

А.Н. БЕЗРУКОВ

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Бирский государственный педагогический институт
Кафедра русской и зарубежной литературы

**ПОЭТИКА
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ**

ПОЭТИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

*Учебное пособие
для студентов филологического факультета*

2005

Бирск 2005

УДК 80 (07)
ББК 83 я 73
Б 11

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Бирской государственной социально-
педагогической академии

Рецензенты:

кандидат филологических наук,
доцент Е.А. Бурцева (БирГСПА).

Безруков А.Н.

Б 11 Поэтика интертекстуальности: Учебное пособие. –
Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. академия, 2005. – 70 с.

В учебном пособии содержатся история и основы теории интертекстуальности (Ю. Кристева) – явления, без которого невозможен современный филологический анализ. Его цель – помочь студентам усвоить и использовать в практическом анализе литературоведческие термины – интертекстуальность, интертекст (Р. Барт), гипертекст, дискурс, диалог, диалогичность, «чужое слово» (М. Бахтин). В издании указанные понятия даются в системном единстве, определяются и объясняются механизмы интертекстуальных отношений.

Пособие предназначено для студентов филологического факультета, аспирантов, учителей-словесников.

© Безруков А.Н., 2005

© Бирская государственная социально-
педагогическая академия, 2005

ОТ АВТОРА

Изучение интертекстуальности представляется важным как в теоретическом, так и в практическом отношениях. Эта многомерная категория текста имеет непосредственный выход к решению актуальных проблем литературоведения, целостному восприятию авторского индивидуально-личностного стиля. В литературоведении сформирован категориальный аппарат данного явления, определены основные формы и типы интертекстуальных отношений, выявлены ее маркёры, но это не снимает вопроса дальнейшего изучения интертекстуальности.

Интертекстуальность – это основная текстопорождающая и смыслообразующая категория, предполагающая процесс диалогического взаимодействия текстов в плане и содержания, и выражения, осуществляемого как на уровне текстового целого, так и отдельных смысловых и формальных элементов. В соответствии с узким пониманием интертекстуальность ограничивается диалогическими отношениями, при которых один текст содержит явные отсылки к конкретным предтекстам. Однако нельзя сводить понимание данной категории к буквальному цитированию, к возникновению в сознании читателя определенных ассоциативных рядов, зарождению аллюзий, реминисценций. Существует и другая модель интертекстуальности, которая предполагает ее генеративную природу, смысловую множественность, незавершающееся количество интерпретаций, формирование смысловтворческой активности реципиента.

Интертекстуальность охватывает различные текстовые уровни, является категорией его открытости, обладает смысловой незамкнутостью, процессуальностью конституирования смысла как его движения в культурной среде.

Вопросы, связанные с функционированием интертекстуальности, освещением внутренней природы межтекстовых взаимодействий, изучены еще недостаточно полно. Хотя интертекстуальность явление многогранное (в ней есть и лингвистические, и философские, и социологические, и психологические аспекты), в пособии она рассматривается как категория поэтическая.

1. Дискурсивность текста.

В последнюю четверть XX века гуманитарные науки развивались в условиях подавляющего господства лингвистических моделей теоретической рефлексии. В результате исследований картина мира стала восприниматься как текст, дискурс¹. Языковое высказывание подменило собой саму реальность («вне текста нет ничего»). Поэтому вся человеческая культура становится определенной суммой текстов, неким культурным текстом, то есть *интертекстом*; сознание видится как текст, бессознательное как текст, «Я» как текст, - текст, который можно прочитать по соответствующим правилам грамматики, специфичным, разумеется, но построенным по аналогии с грамматикой естественного языка².

Структуралисты и постструктуралисты, занимаясь изучением поэтики постмодернистских литературных произведений, в первую очередь, обращают внимание на функционирование в них языкового материала. В трудах исследователей язык понимается своеобразной «мерой всех вещей», он представляется не только особенностью постмодернистского произведения/текста, но и характеризуется своеобразным способом/принципом мышления/сознания, а связное мышление современного человека отождествляется с инвариантом письменного текста. Теоретики постмодернизма проводят мысль о том, что мир как таковой (реальный) не может быть познан, представлен в литературе. Ведь вся реальность попадает в систему «языка», но приемы/методы построения/создания языкового пространства – виртуального/нереального, вымышленного – не дают ключ/ответ к осознанию принципов конструирования дискурсов о мире-реальности, подменяющем саму реальность.

¹ Р. Барт считал, что «текст размещается в языке, существует только в дискурсе... ощущается только в процессе работы, производства» (Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 415). Под дискурсом мы будем понимать текст, находящийся в процессе своего создания и развития, текст в действии.

² Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М., «Интрада», 1998. – С. 186.

Текстовый анализ в постмодернистском понимании, сближаясь с интерпретативными процедурами, ориентирован на изучение готового знака (произведения) и процессов его порождения. Наиболее адекватным для текстового анализа является движение по наличной структуре организованного языка. В практике постмодернизма язык определяется игровым характером знаков и представлений; подвижностью связей между означающим и означаемым; возникновением новых, контекстных значений; раскрытием смысловой структуры литературного текста в культурное поле, в мировой Текст. *Интертекстуальность*, как отмечается в энциклопедии «Постмодернизм», есть понятие постмодернистской текстологии, артикулирующее феномен взаимодействия текста с семиотической культурной средой в качестве интериоризации внешнего³.

В данном пособии прослеживаются этапы формирования категории «интертекстуальности», дается история вопроса, приводятся новые исследования по проблеме, формируется объемное определение интертекстуальности на основании существующих в литературоведении мнений, определяется функциональность этой структурообразующей и текстообразующей категории, выявляются основные типы, виды, формы изучаемого явления.

Концепция интертекстуальности восходит к идее неклассической философии, где формирующая функция процессов смыслопонимания и смыслопорождения отводится социокультурной среде. Как отмечает Гадамер, «все сказанное обладает истиной не просто в себе самой, но указывает на уже и еще не сказанное... И только когда несказанное совмещается со сказанным, все высказывание становится понятным»⁴.

Понятие интертекстуальности стало общеупотребительным для текстологической теории постмодернизма, допускающей, что взаимодействие текста со знаковым фоном выступает в качестве фундаментального условия смыслообразования. По оценке Р. Барта, «основу текста составляет... его выход в дру-

³ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 333.

⁴ Там же.

гие тексты, другие коды, другие знаки»⁵, текст – как в процессе письма, так и в процессе чтения – «есть воплощение множества других текстов, бесконечных или, точнее, утраченных (утраченных следы собственного происхождения) кодов»⁶. Смысл возникает в результате связывания между собой семантических векторов, выводящих в широкий культурный контекст, выступающий по отношению к любому тексту как внешняя семиотическая среда. Это дает основание для оценки постмодернистского стиля мышления как «цитатного мышления», а постмодернистских текстов – как «цитатной литературы» (Б. Морриссетт)⁷.

Интертекстуальность, по одному из новых определений, – это «такие текстообразующие элементы, которые имплицитно или эксплицитно присутствуя в тексте, вызывают в сознании читателя дополнительные смысловые ассоциации, аллюзии, реминисценции и способствуют расширению смысловых границ текста»⁸. Действительно, одним из свойств интертекстуальности является то, что она способствует созданию двойственности знака, то есть он одновременно принадлежит и новому тексту, и ранее созданному⁹. Вообще, знак для структурализма является ключевым понятием, включающим означаемое и означающее. Выделяя в структуре знака «означающее» и «означаемое», Ф. де Соссюр отмечал, что связь, соединяющая их, произвольна, неустойчива, подвижна. Означающее «произволь-

⁵ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 428.

⁶ См.: там же.

⁷ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 333; см. также: Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. – М.: «Intrarda», 2004. – С. 165.

⁸ См.: Савченко А.В. Интертекстуальность как характеристика эпохи (на материале романа Й. Шкворецкого «Tankovы rparog») // II Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова: Матер. междунар. конф. 12-14 сентября 2000 г. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2001. – С. 155-157.

⁹ Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / Науч. ред. П.Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 376.

но по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи»¹⁰.

Структура для постмодернистов играет главную роль. Но для них это не метафизический абсолютизм, а туманное сцепление исходных условий, поддающееся лишь косвенному выражению. Некое письмо, понимаемое как непосредственно текущее высказывание и воспринимаемое как процесс творения. Данное явление (письмо) включает в себя не только художественное творчество, не только письменность, но и всякое знаковое выражение. Совокупность знаков во времени и пространстве образует *текст*.

Заслугой структуралистов является использование методов структурной лингвистики на более широком материале культуры. Объектами научного анализа становятся социальные организации и духовные структуры первобытных племен (К. Леви-Стросс), внутренний мир человека с глубинами бессознательного и неосознанного его психосоматической структуры (Ж. Лакан), собственная культурная традиция (Р. Барт). Изучая механизмы действия языка, структуралисты закладывают и формируют фундаментальные принципы его функционирования в искусстве постмодерна.

Представители постструктурализма Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Женнет, Ю. Кристева рассматривают проблему взаимодействия текстов иначе. Вопрос о любом первичном начале текста и Барт, и Деррида ставят под сомнение. По Барту, один текст нельзя считать неким началом другого текста: «всякие поиски «источников» и «влияний» соответствуют мифу о филиации производений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с *тем уже читанных* цитат – из цитат без кавычек»¹¹.

Ж. Деррида также деконструирует «начало» текста / произведения, доказывая, что никакого начала нет и не было. Им ставится вопрос о целесообразности поиска всевозможных начал – первичного, абсолютного, некоего истока; любое письмо всегда уже есть список с ранее появившегося письма, которое в

¹⁰ Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М., 1977. – С. 101.

¹¹ Барт Р. Избранные работы. – С. 418.

свою очередь также есть список, транскрипция; «следы» бесконечно отсылают к иным следам. «След» у Дерриды отсылает к абсолютному прошлому, поэтому «письмо не в большей мере может начаться, чем книга – кончиться...»¹². Письмо для Дерриды не имеет сущности. Это не исходное понятие или форма, а функция, «нечто вроде не-места» (Ж. Деррида), это временное становление языка, его новых, контекстных значений.

Размышляя о внетекстовых взаимодействиях, исследователи обращаются к понятию контекста с одним важным уточнением. Контекст как внетекстовая реальность есть система метасмыслов, актуальных для дискурса. Контекст – есть принадлежность субъекта дискурса, он по определению субъективен, находится в постоянном процессе становления и изменения/развития. Контекст не может рассматриваться как явление застывшее, раз и навсегда созданное приложение к тексту/произведению; он (контекст) является важнейшей составляющей внетекстовых структур; литературный контекст – динамическая, подвижная система. С каждым новым включением текста в текст культуры, истории происходит генерация новых смыслов, на основе которых корректируются старые значения-представления; может происходить замена ранее появившегося значения на новое.

Весь мир воспринимается Ж. Дерридой как бесконечный, безграничный текст. Панъязыковая и пантекстуальная позиция постструктуралистов, редуцирующих сознание человека до письменного текста и рассматривающих как текст (или интертекст) литературу, культуру, общество и историю, обусловила их постоянную критику суверенной субъективности личности и породила многочисленные концепции о «смерти субъекта», через которого «говорит язык» (М. Фуко), «смерти автора» (Р. Барт), а в конечном счете, и «смерти читателя» с его «текстом-сознанием», растворенным во всеобщем интертексте культурной традиции¹³.

¹² Деррида Ж. *Позиции*. – Киев, 1996. – С. 26. См. также: Он же. *Письмо и различие*. – М., 2000; Он же. «Голос и феномен» и другие работы по теории знака Гуссерля. – Спб., 1999; Он же. *О грамматологии*. – М., 2000.

¹³ Ильин И.П. *Постмодернизм от истоков до конца столетия*. – С. 21.

2. Текстовый универсум / метатекстуальность.

Категория интертекстуальности является предметом филологических наблюдений. Она приобрела популярность в мире искусства, оказала влияние на сознание художников. Понятие интертекстуальности стало общеупотребительным, но продолжает дополняться и уточняться. Взаимодействие автора с предшествующими текстами рассматривалось в литературоведении как проблема литературных влияний, заимствований. В стилистике текста – как проблема цитат, аллюзий, реминисценций. В лингвистике категории интертекстуальности обеспечивалась большая масштабность и глобальность в плане анализа межтекстового взаимодействия, но и литературоведение всегда интересовало проблема диалога текстов.

Новый импульс исследованиям придало введение в научный обиход таких понятий как «чужое» слово, диалог, интертекстуальность... В лингвистических исследованиях интертекстуальность рассматривается как важнейшая категориальная характеристика текста, представляющая его в диалогическом взаимодействии «своего» и «чужого» слова. В литературоведении интертекстуальность является важнейшим основанием для оценки постмодернистского стиля (цитатная литература), предполагающего построение текста как мозаики из цитат с достигаемым системно-смысловым эффектом.

Интертекстуальность в научном дискурсе предстает как явление неисчерпаемое и бесконечно многогранное. Об этом может свидетельствовать разнообразие терминов, которые используются наряду с основным понятием. Для обозначения межтекстового взаимодействия применяются такие понятия как «транстекстуальность», «полилогизм», «диалогичность», «бивокаличность», «диалог текстов», «интерсемантическая».

Указанный понятийный аппарат и терминологию можно обнаружить в работах¹⁴ М. Бахтина, Р. Барта, Ю. Кристевой, Ж.

¹⁴ См.: Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. – М., 1979; Барт Р. *Избранные работы*; Kristeva J. *Bachtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique*.

Дерриды, М. Риффатера, Г. Блума, И. Смирнова, И. Ильина, Н. Фатеевой и других. Разумеется, вышеприведенные термины не являются тождественными между собой, а, скорее всего, взаимодополняют друг друга, отражают различные подходы к рассмотрению категории интертекстуальности.

Едва ли не все исследователи, занимающиеся проблемой интертекстуальности, солидаризируются в том, что автор, определяя в процессе творчества отношение своего текста к другим, не только выходит в широкий диалогический контекст предшествующей, настоящей и последующей литературы, но и вырабатывает свою эстетико-мировоззренческую позицию и художественные формы, которые наиболее адекватно позволяют ее выразить.

Появление и изучение этой категории оказалось, как отмечено А.А. Лоскутовой¹⁵, принципиально важным, прежде всего, в методологическом отношении. На смену видения литературы «я так вижу» в филологические труды пришел подход «так есть», а разговор о взаимодействии смыслов (субъективных, ментальных образований) сменился разговором о взаимодействии смыслопорождающих структур. Концепция интертекстуальности восходит к фундаментальной идее неклассической философии¹⁶, что позволяет рассматривать явление не только с лингвистических позиций, но и с литературоведческих, философских и культурологических.

[Paris]. 1967. Avril. № 23; Смирнов И.П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами Б.Л. Пастернака). – СПб., 1995; Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996; Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – №5; Она же. Контрапункт интертекстуальности, или или Интертекст в мире текстов. – М.: Агар, 2000.

¹⁵ См.: Лоскутова А.А. Поэтика протоинтертекстуальности. К постановке проблемы // Литературный текст: проблемы и методы исследования / «Свое» и «чужое» слово в художественном тексте: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – Вып. 5. – С. 102.

¹⁶ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 333.

Авторское высказывание включает в себя множественность языковых инстанций, находящихся в диалогических отношениях. В данных условиях возможны аналогии и переадресации к другим текстам, другим фрагментам культурных эпох. Включаясь в общекультурный контекст, всякий текст становится реакцией на предшествующие тексты. Диалог культур рассматривается на уровне диалогов текстов, «универсума текста, где отдельные тексты, до бесконечности ссылаясь друг на друга и на все сразу, составляют всеобщий текст»¹⁷, интертекст.

Интертекстуальность как основная категория текста в лингвистике описывает процесс диалогического взаимодействия отдельных текстов-произведений. В литературоведении она выявляется в плане содержания и выражения, а также на уровне текстового целого и отдельных смысловых и структурных элементов. Она выражает диалогичность, которая характеризуется как особый способ создания смысла текста. Как категория открытости текста интертекстуальность охватывает качественно различные стратегии содержательного и формального соотношения литературного текста с другими культурными текстами.

Интертекстуальностью можно называть то, что раньше просто считалось механизмом либо цитации, либо аллюзии, либо реминисценции, то есть безусловное, легко опознаваемое «чужое» слово. Но рассмотрение проблемы в таком русле не представляет особого интереса и научной новизны. В настоящем издании делается попытка осмысления, систематизации наработанного за последнее время материала, с опорой на теорию чужого слова М.М. Бахтина, на идеи Р. Барта.

Категория интертекстуальности в современном понимании видится исследователями буквально как влияние одного текста на другой, поиск, как принято говорить в современной науке, «интертекстем(ы)» в литературном тексте. Вероятнее, главной исследовательской задачей в рамках литературоведческого дискурса должно быть не выявление следов, а постиже-

¹⁷ Intertextualität: Formen, Funktionen, anglist. Jallstudien // Hrsg von Broich V., Pfister M., Tübingen, 1985 – XII. – P. 9.

ние механизмов формирования и функционирования интертекстуальности в литературно-художественном произведении.

Постмодернизм синтезировал идею и теорию интертекста. Это связано со своеобразным типом мышления художников, способом создания ими текстов, уникальным формированием художественной картины мира. Концепция интертекстуальности воспринимается теоретической авторефлексией постмодернизма и одновременно его нормативной поэтикой.

Литературные тексты, созданные в манере постмодернизма, отличаются, главным образом, сознательной установкой автора на ироническое сопоставление различных литературных стилей, жанровых форм и художественных течений. Этой точки зрения придерживаются исследователи¹⁸, понимающие постмодернизм как исторический период или совокупность теоретических и художественных движений. Но, если рассматривать постмодернизм как определенный способ сознания, мышления, то утверждение о сознательной установке автора на соединение, синтез стилей, текстов, дискурсов представляется логически неверным, не соответствующим естественным, немеханическим законам художественного творчества. Создание текста происходит на бессознательном уровне. На «новый» текст влияет культурная память, генетическая память автора/скриптора, историко-литературная память вообще. Текст создается не буквальным соединением цитат, штампов, культурных кодов; процесс соединения-создания текста происходит в сознании/подсознании писателя.

Иронический модус постмодернистского пастиша, как отмечает И.П. Ильин¹⁹, в первую очередь, определяется негативным пафосом, направленным против иллюзионизма масс-медиа и массовой культуры. Теоретики постмодернизма особое внимание обращают на проблему «авторитета письма», поскольку (в виде текстов любой исторической эпохи) она является для них единственной конкретной данностью. «Авторитет письма» характеризуется ими как специфическая власть языка

¹⁸ См.: Эпштейн М. Постмодерн в России. – С. 5.

¹⁹ Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. – С. 223.

художественного произведения, способного своими «внутренними» средствами создавать «мир дискурса». «Авторитет» текста, не соотнесенный с действительностью, обосновывается исключительно интертекстуально (то есть авторитетом других текстов), иными словами, – имеющимися в исследуемом тексте ссылками и аллюзиями на другие тексты, уже приобретшие свой авторитет в результате традиции, закрепившейся в рамках определенной культурной среды, воспринимать их как источник безусловных и неоспоримых аксиом. В конечном счете, авторитет текста отождествляется с тем набором риторических или изобразительных средств, при помощи которых автор создает специфическую «власть письма» над сознанием читателя.

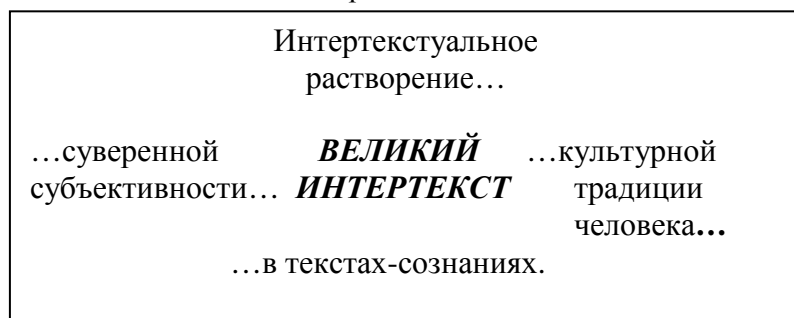
А.А. Лоскутова считает²⁰ то, что Ю. Кристева, Р. Барт, М. Риффатер – это «Буало сегодня», отмечая, что в их работах в не меньшей степени, реализовалась двойственная природа нормативной поэтики как таковой. Эти исследователи сделали многое для понимания постмодернизма. Концепция же интертекстуальности, разработанная в русле постструктурализма, стала поэтической программой постмодерна, подобно теории трех единств и «трех штилей», которая была «руководством к действию» для писателей XVIII века.

В контексте всего постмодернистского мировоззрения интертекстуальность рассматривается как единый механизм порождения текстов. Интертекстуальность нельзя рассматривать как чисто механическое включение ранее созданных текстов (или их элементов) в создаваемый текст. В концепции постструктурализма (ведь именно в русле этого течения велись интенсивные исследования данного феномена) интертекстуальность тесно связывается с положением, сформулированным Ж. Дерридой. По формулировке ученого, в той мере, «в какой уже имеет место текст», имеет место и «сетка текстуальных отсылок к другим текстам», то есть смысл «всегда уже выносит себя во вне себя». По его же мнению, символом культуры постмодерна становятся кавычки. Для постмодернистов характерно такое утверждение как «жизнь в цитатах». Данный тезис

²⁰ Лоскутова А.А. Поэтика протоинтертекстуальности. – С. 103.

следует понимать, скорее всего, так, что текст, включающий в себя цитаты, вставные текстовые элементы, аллюзии, структурные фрагменты, живет, существует именно в их взаимодействии и столкновении. Жизнь текста не мыслится без проникновения одного текста в другой. Текст существует, развивается, расширяет свои границы, именно находясь в такой ситуации – ситуации деяния. Все тексты, организующие единый интертекст, представляют собой как собственно жизнь текстового уровня, так и жизнь (бытие) вообще. Положение, что история и общество являются тем, что может быть «прочитано» как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого «интертекста», который, в свою очередь, служит как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста: «нет текста, кроме интертекста» (Ш. Гривель).

Согласно сформулированному положению, вся человеческая культура рассматривается как единый текст, включенный в бытие, то есть некий единый интертекст. Все создаваемые тексты, следовательно, с одной стороны, в основе своей имеют единый предтекст (культурный контекст, литературная традиция), а с другой, являются интертекстами, так как сами становятся элементами культуры. Постулат теории интертекстуальности гласит: *великий текст* является «реакцией» на предшествующие тексты. Поэтому автор всякого текста – художественного или любого иного – «превращается в пустое пространство проекции интертекстуальной игры». Феномен интертекста²¹ схематически можно представить так:

²¹ См.: Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия.

«Положение, что история и общество могут быть прочитаны как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого интертекста, который, в свою очередь, служит как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста. Другим важным следствием уподобления сознания тексту было интертекстуальное растворение суверенной субъективности человека в текстах-сознаниях, составляющих «великий интертекст» культурной традиции»²² (И.П. Ильин).

Можно отметить, что не все западные ученые разделяют взгляды постструктуралистов на интертекстуальность. Интертекстуальность рассматривается также как факт соприсутствия в одном тексте двух или более текстов, реализующихся в таких приемах, как цитата, аллюзия, реминисценция, плагиат²³. Такой взгляд на теорию интертекстуальности представляется искусственно ограниченным: ведь феномен интертекстуальности вмещает в себя не только факт заимствования элементов существующих текстов, но и наличие общего единого текстового пространства. Только в таком случае становится понятным, почему аллюзии, цитаты, реминисценции могут быть как сознательными, так и бессознательными (невольным «действием творческой памяти»²⁴) заимствованиями.

И.П. Ильин отмечает, что «интертекстуальность, в которую погружают себя постструктуралисты, мыслится ими как буквальное существование в других текстах, человек представляется суммой запечатленных в его сознании «текстов», их собственное творчество до такой степени состоит из цитат, прямых и косвенных, аллюзий, сносков и отсылок, что часто голос комментатора трудно отличить от голоса комментируемого»²⁵.

Культурное пространство является единой, общей сферой соединения, взаимодействия различных текстов, культурных идиом. В нем присутствуют тексты, обладающие безусловным

²² Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. – С. 224-225.

²³ См.: Современное зарубежное литературоведение. – С.218-219.

²⁴ Жирмунский В.М. Анна Ахматова и Александр Блок // Избранные труды. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Наука, 1977. – С. 339.

²⁵ Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. – С. 49.

авторитетом, приобретшим его в результате существующей в конкретной культурной среде традиции воспринимать их как источник аксиом. Таким примером может служить текстовый массив Библии. Библейские цитаты, аллюзии, реминисценции проникают буквально во все тексты мировой литературы различных периодов ее существования. Присутствие таких безусловных авторитетов также способствует созданию некоего «универсума текстов» (по выражению Ж. Дерриды), так как подобный текст функционирует в качестве некоего интертекста.

Совокупность всех существующих текстов оказывает влияние не только на создание, но и на восприятие «нового»/авторского текста. При восприятии адресат руководствуется своей собственной картиной мира, которая сформировалась у него под воздействием ранее услышанных или прочитанных произведений. Но набор таких *прецедентных* текстов (термин Ю.Н. Караулова²⁶) различен для читателей, поэтому ассоциации с прочитанным у разных реципиентов редко совпадают.

В пространстве мировой литературы немало текстов, которые эхом звучат в течение многих веков (Библия, «Божественная комедия» Данте, произведения В. Шекспира, стихотворения А. Пушкина, М. Лермонтова...). Использование в «своих» произведениях фрагментов предшествующих текстов (сознательно/бессознательно) позволяет сопоставить мир сегодняшний с нравственными, духовными ценностями прошлого. Прецедентными текстами могут быть не только литературные произведения, но и мифы, сказки, молитвы.

Р.Д. Тименчик выделяет «промежуточный вид использования» чужого текста, при котором цитирование не является сознательной отсылкой к тексту-источнику²⁷. При существовании единого текстового пространства становится очевидным условие свободного проникновения текстов друг в друга, взаимодействия их между собой. В.Н. Топоров считает, что «вели-

²⁶ См.: Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

²⁷ Тименчик Р.Д. Чужое слово у Ахматовой // Русская речь. – 1989. – № 3. – С. 34.

кий текст» есть «чистое творчество как преодоление всего пространственно-временного, как достижение высшей свободы», который живет «вечно и всюду»²⁸.

Категория интертекстуальности в современном литературоведении применяется не только для характеристики особого способа анализа художественного текста, но и для описания специфики существования литературы.

Интертекстуальность представляется особой системой, при осмыслении которой определяются типологические структурно-категориальные отношения, такие как «текст – произведение», «текст – контекст». Интертекстуальность создает не только атмосферу всеобщей контекстности, рождающей новые смыслы произведения, но и устраняет стилевое единство текста, делает его полистилистическим, превращает в бесконечную текстовую мозаику, отражающую не столько целостность индивидуальной языковой системы, сколько дискурсивность «нового» авторского текста.

3. Теоретические основы интертекстуальности.

Теория интертекстуальности имеет свою предысторию. В науке сложилось мнение²⁹, что она возникла благодаря трем основным источникам: теории анаграмм Ф. де Соссюра, теоретическим взглядам на текст Ю.Н. Тынянова и теории диалога М.М. Бахтина.

Ф. де Соссюр в исследовании древних анаграмм устанавливает³⁰, каким образом обособленный от текста элемент влияет на внутренние особенности текста, он намечает проблему пересечения разнообразных дискурсов. По теории Ю. Тынянова интертекст формируется в пародии, которая выступает как двухплановый текст, вбирающий в себя трансформированный текст (предшественник) со смещенной смысловой стороной. На основе своей теории Тынянов реконструирует текст, на-

²⁸ Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 284.

²⁹ См.: Ямпольский М. Память Тиресия. – М., 1993. – С. 32.

³⁰ См.: Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М., 1977.

деляя каждый его элемент конструктивной функцией: «Соотнесенность каждого элемента литературного произведения как системы с другими и, стало быть, со всей системой я называю конструктивной функцией данного элемента»³¹. Далее М. Бахтин³² выводит подобную соотнесенность за рамки одного текста, выстраивая диалогические отношения не только внутри текста, но и между текстами.

Исключительно важны в формировании теории межтекстовых связей идеи М.М. Бахтина о «чужом слове». В исследовании «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924) М.М. Бахтин, описывая диалектику бытия литературы, отмечал, что помимо данной действительности, художник имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном «диалоге»³³. Идея «диалога» была разработана М. Бахтиным в работе 1929 года «Проблемы творчества Достоевского» (и в «Проблемах поэтики Достоевского» 1963 года), где исследуется смысл и механизм воздействия текстов в сфере «чужого слова». Исследователь констатировал, что «автор может использовать «чужое слово» для своих целей и тем путем, что он вкладывает новую смысловую направленность в слово, уже имеющее свою собственную направленность и сохраняющее ее». Такое слово, подчеркивал М. Бахтин, «должно ощущаться как чужое». Таким образом, в одном слове оказываются «две смысловые направленности, два голоса»³⁴.

Работа М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» представляет собой основной труд, в котором *слово* осмысливается как философское, филологическое, социальное понятие, осознается процесс взаимодействия слов, текстов, литературных произведений. Бахтин основательно раскрывает отношения внутри текстов, показывает взаимодействия, которые воз-

³¹ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 272.

³² См.: Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.

³³ Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 24.

³⁴ Бахтин М.М. Собр. соч. – Т. 2. Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. – М.: Русские словари, 2000. – С. 91.

никают между ними, выявляет влияния, которые оказывает один текст на другой.

Ученый называл романы Достоевского «полифоническими», а «слово» Достоевского, в понимании Бахтина, являлось «диалогическим». В философско-филологический мир Бахтина вошла идея диалога. *Диалог* (фр. dialogue, англ. dialog[ue], от греч. dialogos «разговор, беседа»; букв. «речь через»), означает процесс общения (обычно языкового) между двумя или более лицами. Однако в литературоведении закрепилась бахтинская традиция, когда литературные произведения больших жанров, с формальной точки зрения монологи, стали воспринимать в глубинном диалогическом смысле – диалогом между автором, его героями и читателем. В этом случае в тексте как бы одновременно «звучат» голоса нескольких субъектов и возникает эффект диалогичности или, по Бахтину, «полифонии». Диалог Бахтина получает характеристику бытия. Быть, отмечал Бахтин, значит общаться диалогически. Когда диалог кончается – все кончается. Диалог рассматривается не как преддверие к действию, а как само действие. Диалог не средство создания текста, а некая самоцель. «Даже прошлые, то есть рождённые в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершёнными, конечными) – они всегда будут меняться (обновляться) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определённые моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его, они снова вспомнятся и оживут в обновлённом (в новом контексте) виде»³⁵. И. Ильин пишет: «Роман, который включает карнавальную структуру, называется полифоническим романом. Среди примеров, приведенных Бахтиным, можно назвать Рабле, Свифта, Достоевского. Мы можем сюда добавить весь «современный» роман XX столетия (Джойс, Пруст, Кафка), уточнив, что современный полифонический роман, имеющий по отношению к монолизму статус, аналогичный статусу диалогического романа предшествующих эпох,

³⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – С. 373.

четко отличается от этого последнего. Разрыв произошел в конце XIX века таким образом, что диалог у Рабле, Свифта или Достоевского остается на репрезентативном, фиктивном уровне, тогда как полифонический роман нашего века делается «неудобочитаемым» (Джойс) и реализуется внутри языка (Пруст, Кафка). Именно начиная с этого момента (с этого разрыва, который носит не только литературный характер, но и социальный, политический, философский) встает как таковая проблема интертекстуальности. Сама теория Бахтина возникла исторически из этого разрыва. Бахтин смог открыть текстуальный диалогизм в письме Маяковского, Хлебникова, Белого... раньше, чем выявить его в истории литературы как принцип всякой подрывной деятельности и всякой контекстативной текстуальной продуктивности»³⁶.

Диалогическое слово вбирает в себя чужие реплики и их интенции, напряженно их перерабатывая. Семантика диалогического слова совершенно особая. Бахтин отмечал, что все тончайшие изменения смысла, которые происходят при напряженной диалогичности в его время (да и теперь) мало изучены. В структуре слова происходят специфические изменения, делая его внутренне событийным и освещая самый предмет слова по другому, раскрывая в нем новые стороны, недоступные монологическому слову.

Проблема ориентации речи на чужое слово имеет первостепенное значение. Слово по природе социально. Жизнь слова – в переходе из уст в уста, из одного контекста в другой контекст, от одного социального коллектива к другому, от одного поколения к другому поколению. При этом слово не забывает своего пути и не может до конца освободиться от власти тех конкретных контекстов, в которые оно входило.

Термин *интертекстуальность* – фр. *intertextualite*, англ. *intertetuality* – был введен в 1967 году семиотиком, теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой³⁷. С тех пор он употреб-

³⁶ Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. – С. 128.

³⁷ Юлия Кристева считается самым авторитетным среди постструктуралистов пропагандистом идеи «разрыва», «перелома» (*rupture*), якобы имевшего место на рубеже XIX-XX веков в преемственности осененных авторитетом истории

ляется не только как средство анализа литературного текста, описания специфики существования литературы (именно в этой области он впервые появился), но и для определения миро- и самоощущения современного человека³⁸. Он стал одним из основных при анализе художественных произведений постмодернизма

В 1967 году на основе анализа концепции «полифонического романа» М.М. Бахтина, зафиксировавшего феномен диалога текста с другими текстами, Ю. Кристева сформулировала термин *интертекстуальность* в статье «Бахтин, слово, диалог и роман»³⁹. Идея «диалога» Бахтина была воспринята Кристевой как ограниченная исключительно сферой литературы, диалогом между текстами. Она подчеркивает бессознательный характер этого «диалога», отстаивая постулат имперсональной «безличной продуктивности» текста, который порождается как бы сам по себе, помимо сознательной деятельности индивида. Кристева пишет: «Мы назовем интертекстуальностью эту текстуальную интер-акцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее»⁴⁰. Кристева выстраивает генеалогию модернистского искусства XX века.

Для Кристевой письмо представляется диалогом с самим собой, формой авторского дистанцирования, процессом чтения другого письма. По ее мнению, диалогические отношения создают множественное текстуальное пространство, в котором поэтическое означаемое отсылает к иным дискурсивным озна-

и традиций эстетических, моральных, социальных и прочих ценностей; разрыва, с социально-экономической точки зрения объясняемого постструктуралистами (в духе положений Франкфуртской школы социальной философии) как результат перехода западного общества от буржуазного состояния к «постбуржуазному», то есть к постиндустриальному.

³⁸ См.: Ильин И.П. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение. – С. 215-221.

³⁹ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – Витебск. – 1993. – № 4. – С.5.

⁴⁰ Цит. по: Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. – С. 225.

чаемым, «диалогизм переносит философские проблемы внутрь языка, точнее, - внутрь языка, понятого как взаимосотнесенность текстов, как письмо – чтение...»⁴¹. Кристева рассматривает «литературное слово» не как смысловую точку, а как диалог различных видов письма – письма самого писателя, письма получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом. Произведение включается в жизнь истории и общества, ранее созданные тексты, в свою очередь, рассматриваются в качестве текстов, которые писатель читает, и, переписывая их, к «ним подключается». Диахрония трансформируется в синхронию, слово начинает функционировать в пространстве. Вертикаль создается словом в его отношении к совокупности других литературных текстов. Подобная структура, когда любой текст строится как мозаика цитации, когда «текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста»⁴², и была названа Ю. Кристевой интертекстуальностью.

Пик влияния Кристевой пришелся на пору формирования постмодернистской стадии эволюции постструктурализма, когда обнаружилось, что она первой сформулировала и обосновала понятие интертекстуальности. В 80-е годы XX века Кристевой стали отдавать должное как ученому, стоящему у истоков постструктурализма и с присущим ей радикализмом критикующему постулаты структурализма, дающему первые формулировки интертекстуальности, децентрации субъекта, аструктурности литературного текста, ставшими впоследствии ключевыми понятиями постструктурализма. Особенно важно то, что Кристева, отказываясь от понимания текста как одномерного процесса коммуникации между автором и читателем, определяла текст как пересечение и взаимодействие различных текстов и кодов, подчеркивала его специфическое качество – свойство порождать новые смыслы.

Интертекстуальность является всеобщим свойством текстов и текстуальности в целом. Несмотря на то, что термин Кристевой был воспринят как новаторский, само явление, им

⁴¹ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. – С.22.

⁴² Там же. – С. 23.

обозначаемое, было замечено давно. Действительно, читая того или иного автора, специалист без труда обнаруживает прямые или косвенные влияния, оказанные на него другими авторами и проявляющиеся в виде прямых или скрытых цитат⁴³. Это – проблема так называемых источников, и, решая ее, исследователи склоняются, как правило, к двум противоположным, но взаимодополняющим ответам: составив «воображаемую библиотеку» прочитанных писателем книг, они либо растворяют его в предшествующем «культурном опыте», не располагая инструментом, позволяющим объяснить его самобытность, либо, напротив, пытаются подчеркнуть эту самобытность, но делают это не позитивно, а, скорее, негативно, – путем простого «вычитания» всех элементов, которыми этот писатель обязан своим предшественникам.

Для Ю. Кристевой интертекст есть не просто собрание «точечных» цитат из различных авторов, а «пространство сходжения всевозможных *цитаций*»⁴⁴, дискурсов. Сам механизм инкорпорирования «чужих» слов (дискурсов) в постмодернистский текст принципиально отличается от традиционного аллюзийно-реминисцентного аппарата. Данный процесс служит целям «приращения» эстетического потенциала принимающего текста. В интертексте инкорпорированные дискурсы не дополняют, расширяют принимающий текст, но, как говорит Кристева, «пересекают и нейтрализуют друг друга». Эта взаимонейтрализация дискурсов и есть постмодернистский текст, где «свое» складывается из взаимного перемножения/деления «чужого» и где «свое» есть не текст, а принцип «складывания», текстуализация, текстуальная практика. «В конечном счете, – отмечает Б. Гаспаров, комментируя слова Ю. Кристевой, – текст как отдельный феномен теряется в непрерывных интертекстуальных наслаениях...»⁴⁵. Феномен постмодернистского

⁴³ Барт Р. S/Z. Пер. с фр. 2-е изд., испр. Под ред. Г.К. Косикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С.18.

⁴⁴ Высказывание Ю. Кристевой по: Косиков Г.К. Идеология. Коннотация. Текст (По поводу книги Р. Барта S/Z) // Барт Р. S/Z. – С.289.

⁴⁵ Гаспаров Б.М. В поисках «другого». Французская и восточноевропейская семиотика на рубеже 1970-х годов // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 14. – С.60.

текста состоит в отсутствии феноменальности; он есть чистая «ноуменальность», принцип игровой текстуализации чужих дискурсов.

Ю. Кристева отмечает, что «любой текст рассматривается как результат бесконечного диалога с другими текстами, являясь составной частью всеобщего «культурного текста», то есть суммы всех печатных текстов, образующих культурное наследие; «каждый текст строится как мозаика цитат, каждый текст является результатом усвоения и трансформации другого текста»⁴⁶. Творческое наследие Ю. Кристевой само по себе стало предметом особого внимания, рассмотрения, осмысления и лингвистов, и литературоведов.

Анализируя работы исследователей о концепции интертекстуальности Ю. Кристевой, И.П. Ильин отметил: ее заслугой является то, что она сформулировала основные термины для модернистского понимания «текст», предложила такие установки для работы с художественным, культурным произведением как «интертекстуальность», «означающая практика» или «означивание, параграмма», «гено-текст» и «фено-текст» и была главным представителем специфического направления модернистской теории⁴⁷.

Чтобы выявить в тексте его гено-текст, считает Ю. Кристева, необходимо проследить в нем импульсационные переносы энергии, оставляющие следы в фонематическом диспозитиве (скопление и повтор фонем, рифмы) и мелодическом строе (интонация, ритм), а также порядок рассредоточения семантических и категориальных полей, как они проявляются в синтаксических и логических особенностях или в экономии мимесиса (фантазм, пробелы в обозначении, рассказ и т. д.). Гено-текст выступает как основа, находящаяся на предъязыковом уровне; поверх него расположено то, что, Кристева называет, фено-текстом. Фено-текст – это структура, подчиняющаяся правилам коммуникации, она предполагает субъекта акта высказывания и адресата. Соответственно определялся и механизм, связывавший гено- и фено-тексты. Он был назван семиотическим дис-

позитивом. Как свидетель гено-текста, как признак его настойчивого напоминания о себе в фено-тексте семиотический диспозитив является единственным доказательством того пульсационного отказа, который вызывает порождение текста. Означиванием Кристева называла безостановочное функционирование импульсов, безграничное и никогда не замкнутое порождение смыслов. Подобным ходом мыслей сознание (мышление) уравнивается с языком, а поскольку конечным продуктом организации языкового высказывания является текст, и сознание (и сам человек, личность) стало мыслиться как текст. Термин «*текст*» имеет весьма широкую концептуальную палитру и интерпретируется в зависимости от опоры на языковую систему или речевой акт⁴⁸. Термин толкуется энциклопедическими словарями и справочниками по филологии неоднозначно. «Текст» (от *textum* – ткань) и «литературно-художественный текст» – основные объекты-категории исследования в методологии, которая развивается в русле структурализма, «новой критики», постструктурализма, деконструктивизма.

Довольно сложные идеи Ю. Кристевой (а также Деррида, Лакана, Фуко) были явлением высокой философской рефлексии, пока их не ввел в практику литературоведческого анализа Р. Барт. Ролан Барт – блестящий, универсально эрудированный эссеист, сумевший создать поразительный симбиоз литературы, этики и философии. Барт, наряду с Клодом Леви-Строссом, Жаком Лаканом, Мишелем Фуко, считается одним из крупнейших представителей современного французского структурализма. Углубленное изучение Ф. де Соссюра, Н. Трубецкого, Л. Ельмслева, К. Леви-Стросса позволило Барту понять значение парадигматического принципа для анализа знаковых систем, знакомство с работами В. Я. Проппа и представителей русской формальной школы способствовало выработке у него синтагматического мышления. Поворот Барта к осознанному структурализму ярко отмечен двумя его программными статьями: «Воображение знака» (1962) и «Структурализм как дея-

⁴⁶ Kristeva J. Semeiotike: Recherches pour une semanalyse. – P., 1969. – P. 146.

⁴⁷ Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. – С. 123.

⁴⁸ Мокиенко В.М. Интертексты и текст в славянских языках // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сб. докладов междунар. науч. конф. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. – С. 5.

тельность» (1963)⁴⁹. Идеи Р. Барта от взглядов М. Бахтина отличаются две особенности. Во-первых, если Бахтина прежде всего интересовали «диалогические» взаимоотношения между «социальными языками»..., то у Барта акцент сделан на взаимоотношениях «письма» и индивида, ... в феномене «письма» Барт сумел разглядеть общественный механизм, ... во-вторых, Барт обратился к аналитическим средствам современной семиотики⁵⁰.

Основным полем деятельности для Барта всегда оставалась литература, которую Барт понимал как «письмо». Своей главной задачей он видел поиск типов письма, которые определяют специфику построения конкретно художественного произведения. В литературе он впервые сумел расслышать деспотические голоса «шаблонизированных дискурсов» и внутри самой же литературы попытался разглядеть силы, способные противостоять этим дискурсам. Литература, по Барту, служит незаменимым средством дефетишизации действительности. В этом и заключается ее социальная «ответственность». Барт видел литературу не пассивным продуктом общественного развития, но активным началом, по сути своей направленным на то, чтобы не дать миру застыть в неподвижности, одной из пружин, гарантирующих развитие самой истории⁵¹.

Барт полагал, что коннотативные смыслы имеют несколько существенных характеристик: они способны прикрепляться не только к знакам естественного языка, но и к различным материальным предметам, выполняющим практическую функцию и становящимся тем самым, по терминологии Барта, знаками-функциями. Отсюда, любой читатель находится в ситуации своеобразного «диалога» по отношению к произведению. Он обладает определенным культурным кругозором, системой культурных координат, в которые произведение включается как в свой контекст и в зависимости от последнего позволяет выявлять такие аспекты смысла, которые интенционально никак не сфокусированы. Таким образом, позиция читателя по

⁴⁹ Барт Р. Избранные работы. – С. 253-261.

⁵⁰ Там же. – С. 15-16.

⁵¹ См.: Косиков Г.К. Ролан Барт – семиолог, литературовед. – С. 3-45.

отношению к произведению всегда двойственна: он должен уметь видеть действительность глазами произведения, и в то же время – он должен видеть само произведение как объект, находящийся в окружении других аналогичных объектов. Читатель видит его культурное окружение, исторический фон, видит то, чего зачастую не способен заметить само произведение, знает о нем то, чего оно само о себе не знает.

Г. Косиков⁵², изучив работы Р. Барта, справедливо заметил, что «в разные исторические эпохи произведение является читателю в совершенно специфическом ракурсе, которого никогда не было раньше и не будет позже, причем этот ракурс есть продукт заинтересованного отношения к произведению, стремления включить его в духовную работу современности. Будучи порождено своим временем, произведение отнюдь не замыкается в нем, но активно вовлекается в свою орбиту, присваивается всеми последующими временами. Произведение исторично, но в то же время «анахронично», ибо, порвав исторические связи, оно немедленно начинает бесконечное «путешествие сквозь историю»; оно «символично»/закодировано, ибо никакая история не способна исчерпать его бесконечной смысловой полноты».

Барт сформулировал практически все основные положения постструктуралистского критического мышления, создав целый набор ключевых выражений и фраз или придав ранее применяемым терминам их постструктуралистское значение: «писатели/пишущие», «письмо», «нулевая степень письма», «знакоборчество», сформулированное им по аналогии с «иконаборчеством», «эхо-камера», «смерть автора», «эффект реальности» и многие другие. Он подхватил и развил лакановские лингвистические концепции расщепления «я», дерридеанскую критику структурности любого текста, дерридеанско-критевскую трактовку художественной коммуникации. Классическое определение интертекста и интертекстуальности также принадлежит Барту.

⁵² См.: Косиков Г.К. Ролан Барт – семиолог, литературовед. – С. 3-45.

Основные положения книги Р. Барта «S/Z» посвящены практике Текста. Среди тех, кто помог Р. Барту выработать концепцию Текста, он сам называет Ж. Дерриду, Ю. Кристеву, Ж. Лакана и М. Фуко. Переход Барта от «Введения в структурный анализ повествовательных текстов» к «S/Z» можно определить как попытку выделить в произведении-объекте некий особый исследовательский предмет (который Барт и назвал Текстом) или даже как попытку противопоставить друг другу два предмета анализа – Произведение и Текст, которые нуждаются в качественно различном подходе⁵³. Г. Косиков во введении к изданию книги «S/Z» отмечает: «литературное произведение представляет собой некое архитектурное целое, единство которого определяется единством его смысловой интенции, то есть задачей суггестивного внушения потребителю определенного смысла, определенного представления о действительности, «образа мира»⁵⁴.

Косиков пишет и о том, что современное литературоведение знает несколько основных подходов к произведению. Первый подход, с точки зрения его объяснения, предполагающего выявление казуально-генетических связей произведения с внеположными ему социально-историческими обстоятельствами; второй, с точки зрения общей поэтики, занимающейся анализом литературной формы; третий, с точки зрения функциональной (описательной) поэтики, которая строит аналитическую модель произведения, выявляя внутренние взаимосвязи его элементов и правила их функционирования; четвертый, с точки зрения герменевтики, задачей которой является «понимание» и «истолкование» смыслового содержания произведения. Книга «S/Z» Барта возникла из его неудовлетворенности перечисленными подходами и стремлением преодолеть их⁵⁵.

Барт был не удовлетворен общей поэтикой, считал ее не способной уловить индивидуальное своеобразие, специфику текста. Одно из бартовских определений текста диктует: «Текст в том современном, актуальном смысле – это не эстетический

продукт, это означающая практика; это не структура, это структуризация; это не объект, это работа и деятельность; это не совокупность обособленных знаков, наделенная тем или иным смыслом, подлежащим обнаружению, это диапазон существования смещающихся следов; инстанцией Текста является не значение, но означающее в семиологическом и психоаналитическом употреблении этого термина»⁵⁶. Текст, по Барту, это не устойчивый «знак», а условия его порождения, это питательная среда, в которую погружено произведение, это пространство, не поддающееся ни классификации, ни стратификации, не знающее нарративной структуры, пространство без центра и без дна, без конца и без начала – пространство со множеством входов и выходов (ни один из которых не является главным), где встречаются для свободной «игры» гетерогенные культурные коды. Текст это интертекст, «галактика означающих», а произведение – «эффект текста», зримый результат «текстовой работы». Бартовский Текст – это не что иное, как один из изводов *интертекста*. Он отмечает, что «текст – не продукт распада произведения, наоборот, произведение есть шлейф воображаемого, тянущийся за текстом. Текст ощущается только в процессе работы, производства. Текст не может неподвижно застыть, он по природе своей должен *сквозь что-то* двигаться – *сквозь произведение, сквозь ряд произведений*»⁵⁷. Текст, по Барту, познается, постигается через свое отношение к знаку. В тексте означаемое бесконечно откладывается на будущее, текст уклончив, он работает в сфере означающего. Означающее следует представлять себе не как «видимую часть смысла», не как его материальное преддверие, а, наоборот, как его *вторичный продукт*. Текст *всцело* символичен.

Р. Барт считает, что «тексту присуща множественность. Это значит, что у него не просто несколько смыслов, но что в нем осуществляется сама множественность смысла как таковая – множественность *неустраняемая*, а не просто допустимая. В тексте нет мирного сосуществования смыслов – текст пересе-

⁵³ Барт Р. S/Z. – С. 16.

⁵⁴ Там же. – С. 16-17.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Цит. Р. Барта по: Косиков Г. Идеология. Коннотация. Текст. // Барт Р. S/Z. – С. 17.

⁵⁷ Барт Р. От произведения к тексту. // Барт Р. Избранные работы. – С. 415.

кает их, движется сквозь них; поэтому он не поддается даже плюралистическому истолкованию, в нем происходит взрыв, рассеяние смысла. Множественность текста вызвана не двусмысленностью элементов его содержания, а *пространственной многолинейностью* означающих, из которых он соткан («текст» и значит «ткань»)»⁵⁸. По Барту, всякий текст есть между-текст по отношению к другому тексту. Интертекстуальный характер текста Барт понимал не в его межтекстовом происхождении, а в процессуальности, в прослеживании возможных путей смыслообразования. Моделируя текст, автор вступает с читателем в интеллектуальную игру, предоставляет ему не только полную свободу интерпретации, но и возможность участия в порождении текста. Именно это предполагает постмодернистский текст, где *«играет»* сам текст..., и читатель тоже играет...; он *играет в Текст* (как в игру) ищет такую форму практики, в которой бы он воспроизводился, но, чтобы практика эта не свелась к пассивному внутреннему *мимесису*..., он еще и *играет Текст»*⁵⁹. Текстовая среда интерпретируется постмодернизмом как непредсказуемая, готовая породить новые версии смысла. Конституирование финального смысла текста невозможно, он оказывается продуктом дискурса.

Идеи М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта, которые легли в основу концепции интертекстуальности, трактуют литературное слово как место пересечения текстовых плоскостей. По самой своей природе любой текст, по мнению ученых, есть не что иное, как интертекст. Процедуру возникновения интертекста Кристева называет «чтением-письмом»: интертекст пишется в процессе считывания чужих дискурсов и потому «всякое слово (текст) есть такое пересечение других слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст)»⁶⁰. Интертекстовая структура не наличествует, но вырабатывается по отношению к другой структуре. Встречаясь в интертексте, предшествующие тексты взаимодействуют друг с другом, при-

⁵⁸ Барт Р. От произведения к тексту. В кн. Барт Р. Избранные работы. – С. 417-418.

⁵⁹ Там же. – С. 421.

⁶⁰ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. – С. 6.

чем возникновение новой структуры предполагает активное отношение притяжения-отталкивания ко всему предшествующему текстовому материалу («любая знаковая структура либо опирается на другую структуру, либо ей противостоит»), его реструктурирующую трансформацию⁶¹.

Исследовательские позиции М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта в теории текста являются фундаментальными, однако, указанные теоретики сознательно уклоняются от резюмирующих позиций, «последнее» слово они заменяют смысловым «многозначием».

4. Основные определения интертекстуальности, модели интертекстуальных отношений.

Определения *интертекстуальности* во многом опираются на теоретические работы М.М. Бахтина. Он завуалировано намечает в своей научной концепции объяснение рассматриваемого явления: нестабильные смыслы, рожденные в результате *диалога* с прошедшими веками, никогда не станут завершенными, они всегда будут меняться в процессе развития последующих диалогов. В человеческой культуре накопилась неограниченная масса забытых смыслов, которая будет в определенных моменты дальнейшего развития диалога, оживать и обновляться в новых и новых контекстуальных вариантах⁶². У Бахтина еще нет формулировки термина интертекстуальность, а есть его описание. Сформулировала термин Ю. Кристева.

Термин интертекстуальность, введенный Ю. Кристевой, подразумевает бессубъектный диалог текстов. Повторим, что она назвала интертекстуальностью «текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста» и не может быть редуцирована к вопросу о литературных влияниях. На основании ее концепции термин *интертекстуальность* стал одним из основных при анализе художественных произведений постмодернизма. Он применим и как средство анализа литературного текста, как категория для описания специфики

⁶¹ Косиков Г. Идеология. Коннотация. Текст. // Барт Р. S/Z. – С. 19.

⁶² См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.

существования литературы, и для определения миро-/самоощущения современного человека⁶³.

Р. Барту принадлежит «каноническая» (И. Ильин) формулировка интертекстуальности: «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом... – все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек»⁶⁴. Мир, пропущенный через призму интертекстуальности, предстает как огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано: смешение определенных элементов дает все новые комбинации. Р. Барт называл любой текст своеобразной «эхо-камерой».

М. Риффатер считал текст «ансамблем пресуппозиций других текстов»⁶⁵, и поэтому самую идею текстуальности понимал неотделимой от интертекстуальности и основанной на ней. Кристофер Кип утверждал, что «понятие интертекстуальности опровергает концепцию текста как самодостаточной герметической целостности, стоящей на первом плане; вместо этого вся литературная деятельность происходит в присутствии других текстов, которые ... являются палимпсестами»⁶⁶.

⁶³ Ильин И.П. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение. – С. 215-216.

⁶⁴ Цит. по: Современное зарубежное литературоведение. – С. 218.

⁶⁵ Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. – С. 226.

⁶⁶ Цит. по: Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе: на материале статей: Дис... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – С. 47.

Некоторые исследователи⁶⁷ видят в интертекстуальных переключках обусловленность именно тем, что можно назвать «диалогом книг». Если рассматривать художественное произведение как живой организм, то текст с течением времени будет трансформироваться, читатели же начнут обнаруживать в нём новые смыслы, ранее незаметные. В читательском сознании встреча разных книг, может замкнуться в себе, как бы не замечая присутствия друг друга, а может и вступить в диалог, обнаружить свою родственность, зазвучать по-новому.

По мнению М. Грессе, «интертекстуальность является составной частью культуры вообще и неотъемлемым признаком литературной деятельности в частности: любая цитация, какой бы характер она ни носила, - а цитирование якобы всегда неизбежно, вне зависимости от воли и желания писателя, обязательно вводит его в сферу того культурного контекста, опутывает его той «сетью культуры», ускользнуть от которых не властен никто»⁶⁸.

В работе И. Смирнова «Порождение интертекста» дается следующее определение: «Интертекстуальность – это слагаемое широкого родового понятия, так сказать, ИНТЕР <...> АЛЬНОСТИ, имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе. <...> ...В отличие от теории заимствований и влияний, новый метод учитывает и ставит во главу угла семантические трансформации, совершающиеся при переходе от текста к тексту и сообщая подчинённые некоему единому смысловому заданию»⁶⁹.

А.К. Жолковский считает, что «в начале всякого слова всегда было какое-то чужое слово, литература занята собой и

⁶⁷ Неёлов Е. Шариков, Швондер и Единое государство (о фантастике М.Булгакова и Е.Замятина) // Булгаков М. Собачье сердце; Роковые яйца; Похождения Чичикова / Замятин Е. Мы; Рассказ о самом главном; Сказки. – Петрозаводск, 1990. – С.369.

⁶⁸ Intertextuality in Faulkner / Ed. by Gresset M., Folk N. – Jackson, 1985. – P. 7.

⁶⁹ Смирнов И.П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака). – СПб., 1995. – С. 11.

собственной генеалогией больше, чем всем остальным, и поэтому пронизана интертекстуальностью. <...> ...Интерес у исследователя интертекстов всегда двоякий: увидеть как саму цитату, так и её новый поворот»⁷⁰.

Таким образом, терминологические обозначения данного явления различны, понимания его разными исследователями, в целом, близки. И.В. Арнольд обобщила все существующие определения: «Под интертекстуальностью понимается включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий, реминисценций»⁷¹.

Броским свойством постмодернистской поэтики, считает явление интертекстуальности М. Липовецкий⁷². Под интертекстуальностью он подразумевает культурный контекст, или материал для авторских манипуляций, преобразующийся в единственно возможную содержательную форму, определяющую логику художественного мировосприятия.

Е. Михайлова называет свое определение интертекстуальности рабочим: «интертекстуальность – многомерная связь отдельного текста с другими текстами – по линиям содержания, жанрово-стилистических особенностей, структуры, формально-знакового выражения»⁷³.

Ограничимся указанными определениями и предложим свою версию трактовки интертекстуальности. На *наш* взгляд, интертекстуальным можно назвать текст, смещенный во времени и пространстве, с явной децентрацией и ориентировкой на источник, имеющий означаемое, конкретное для той ситуации, в которой он себя проявляет на конкретном историческом этапе, значение, имеющий в своей основе огромный культурно-исторический пласт означаемых, но открывающий их только в процессе письма/чтения. Такой текст (интертекст) синтезирует

⁷⁰ Жолковский А.К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма. – М., 1992. – С.18.

⁷¹ Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – С. 346.

⁷² См.: Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. – С. 9.

⁷³ Михайлова Е.В. Интертекст в научном дискурсе. – С. 56.

вал в себя все, что может подразумеваться, подразумевается, и то, что уже имело место быть. Формируясь в процессе «жизни»/развития он регулярно приобретает все новые и новые элементы искусства-жизни, перерабатывая их в сознании/мышлении читателя/реципиента. Интертекстуальность живет именно там, где есть переход, кризис, так как для существования ей необходимо именно изменение, внутренняя семантико-семиотическая трансформация.

Интертекстуальность можно рассматривать как категорию открытости текста, ибо благодаря ей текст способен вступать в отношения с другими текстами. В европейской (в частности, немецкой) филологической традиции интертекстуальность охватывает такие явления, как заимствование, интерпретация тем, сюжетов, цитация различных типов, плагиат, аллюзия, пародия, экранизация, литературные эпиграфы⁷⁴. Если в определении сути интертекстуальности как одной открытой текстовой системы по отношению к другой существует известное единомыслие, то при выяснении ее статуса в исследовании текстуальности в целом прослеживаются различные, во многом противоположные подходы.

Анализ современных исследований⁷⁵ интертекстуальности как теории взаимодействия между текстами выявляет существование двух моделей интертекстуальности – широкой (радикальной) и более узкой. В соответствии с этим интертекстуальность может рассматриваться 1) или как универсальное свойство текста, то есть предполагает понимание всякого текста как интертекста; 2) или как специфическое качество определенных текстов.

Концепция *широкой* модели интертекста восходит к трудам М.М. Бахтина, утверждавшего, что литературная коммуникация не может существовать как *tabula rasa*, и «всякое конкретное высказывание находит тот предмет, на который оно направ-

⁷⁴ См.: Сидоренко К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова. – СПб., 1999.

⁷⁵ См.: Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации. Дис... канд. филол. наук. – СПб., 2000; Михайлова Е. В. Интертекст в научном дискурсе.

лено, всегда уже оговоренным, оцененным. Этот предмет пронизан точками зрения, чужими оценками, мыслями, акцентами. Высказывание входит в эту диалогически напряженную среду чужих слов, вплетается в их сложные взаимоотношения, сливается с одним, отталкивается от других, пересекается с третьими»⁷⁶.

В этом смысле всякий текст выступает как интертекст, а предтекстом каждого отдельного произведения является не только совокупность всех предшествующих текстов, но и сумма лежащих в их основе общих кодов и смысловых систем. Между новым создаваемым текстом и предшествующим чужим существует общее интертекстуальное пространство, которое вбирает в себя весь культурно-исторический опыт. Интертекстуальность предстает как теория безграничного текста, интертекстуального в каждом своем фрагменте. Настаивая на принципиальной неограниченности интертекстуального диалога, Ю. Кристева, вслед за М. Бахтиным, выдвинула идею открытого поливалентного текста, существующего в процессе потенциально бесконечной трансформации. Эта концепция интертекстуальности была продолжена в тех или иных вариантах как в отечественной (Ю. Лотман), так и зарубежной (М. Риффатерр, Р. Барт) науке.

Концепция интертекстуальности Ю. Кристевой получила распространение, но при этом существенно видоизменилась в зависимости от идейных предпосылок ее последователей. Своеобразным развитием названной концепции становится теория постструктуралиста Ж. Дерриды⁷⁷, обусловившего формирование иного подхода к изучению художественного текста. Основными научными позициями Ж. Дерриды стали: относительность всяких границ – текста, сознания человека, основных областей человеческого знания; утверждение принципа рассеивания смысла среди множества его различных оттенков. Согласно взглядам Дерриды, всякий текст живет, лишь «бесконечно ссылаясь на нечто», среди следов одного текста в другом. Все внимание исследователя, считает Деррида, должно быть сосредоточено на открытости смыслового пространства.

⁷⁶ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – С. 89-90.

⁷⁷ См.: Современное зарубежное литературоведение. – С. 216-217.

Если М. Бахтин опирается на текст, открывая в нем принципиальную аналогичность (его концепция скорее интратекстуальна, так как рассматривает полифонию голосов внутри отдельно взятого текста), то постструктуралистские исследования Ю. Кристевой и Ж. Дерриды делают акцент на общем интертекстуальном пространстве, на центростремительной модели в отличие от центробежной модели М. Бахтина.

Новыми положениями обогатил изучение проблемы интертекстуальности Р. Барт. Развивая положение об открытости текста в бесконечность, он фокусирует внимание, в первую очередь, на рецептивно ориентированной стороне интертекстуальности, уточняя ее как непрерывное чтение в бесконечном тексте. Этот взгляд дополняется идеями М. Риффатерра о рецептивном значении в теории интертекстуальности, согласно которому механизм интертекстуального чтения приводится в действие только при участии сознания воспринимающего текст читателя.

Представленная выше радикальная концепция интертекстуальности обнаруживала существенный недостаток, который отмечали исследователи (Р. Лахманн). Рассматривая всякий текст как интертекст, а интертекстуальность как сущность литературного дискурса, широкая концепция растворяла сами понятия *текста* и *текстуальности*, подвергала сомнению их самоценность и целостность. По логике радикальной концепции в центре внимания оказывались не столько тексты, а лишь отношения/связи между ними. Понятийная неразличимость концептуальных положений не позволяет различать, во-первых, собственно интертекстуальность от неинтертекстуальности и, во-вторых, различные исторические и типологические формы интертекстуальности. При такой интертекстуальной абсолютизации происходит растворение суверенной субъективности и самоценности авторского сознания в коллективном⁷⁸. Таким образом, отказываясь от анализа межтекстовых отношений, в каждом конкретном случае, универсальная тео-

⁷⁸ См.: Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности: Теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики. – М., 1989. – С. 193-194.

рия ставит под сомнение собственную эвристическую значимость текста.

Приведем мнения ученых⁷⁹, которым представляется, что операциональный потенциал и прикладная ценность интертекстуальности проявляются в ее узкой модели. Интертекстуальность в ее узком понимании обозначает не свойство текстов (текстуальность) вообще, но особое качество определенных текстов (типов текста). Р. Лахманн предлагает различать онтологический и дескриптивный текстовый аспекты. То есть исследовательница представляет 1) диалогичность как всеобщее измерение текста, как имманентную характеристику его структуры и 2) диалогичность как особый способ построения смысла, как диалог с определенной чужой смысловой позицией, то есть собственно интертекстуальность⁸⁰. Именно Лахманн ввела в научную дискуссии вопрос об интертекстуальности как одном из способов построения смысла текста⁸¹.

Развитие идей Р. Лахман можно найти в исследованиях К. Штирле, который выделяет, с одной стороны, универсальную интертекстуальность, позволяющую коррелировать практически каждый текст с другим существующим, а с другой стороны, - собственно *привилегированную* актуализированную интертекстуальность. В этом случае интертекстуальность ограничивается такими диалогическими отношениями, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к отдельным предтекстам (группам предтекстов) и/или лежащим в их основе смысловым кодам.

Это означает, что узкая модель интертекстуальности возникает в том случае, когда автор намеренно делает видимым взаимодействие между текстами, привлекает к этому внимание читателя особыми формальными средствами. Но, как нам кажется, это слишком сужает представление об изучаемой проблеме. В таком случае интертекстуальность намеренно марки-

⁷⁹ См.: Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория... - С. 36-38.

⁸⁰ «Dialogizität». Ed. R. Lachmann. – München, 1982. – S. 8-9.

⁸¹ См.: «Dialogizität». Ed. R. Lachmann. – München, 1982; «Dialog der Texte». – Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 11. – Wien, 1983.

руется⁸². Предполагается, что не только автор сознательно включает в свой текст фрагменты иных предтекстов, но и адресат верно определяет авторскую интенцию и воспринимает произведение/текст в его заданной диалогической соотнесенности. Речь идет, следовательно, о таком коммуникативном процессе, необходимой предпосылкой и условием которого является *интертекстуальное сознание* обоих участников. В работе Сюзанны Хольтуис предлагается в этой связи особый термин *интертекстуальная диспозиция*, который означает наличие в тексте определенных интертекстуальных сигналов, способных настраивать читателя на поиск связей читаемого/воспринимаемого текста с другими. Рассмотрение интертекстуальности как феномена толкования текста зависит от данной или предполагаемой в тексте интертекстуальной диспозиции и интертекстуально управляемого восприятия произведения/текста.

Данные формы моделей общеприняты и их можно считать научно устоявшимися. Но правомочно существование еще одной модели интертекстуальности – *серединной*, *подвижной* или *расширительной*. Теоретически обоснуем данную точку зрения.

У Барта есть мысль⁸³ о том, что не природа копируемого объекта определяет искусство, а именно то, что вносится человеком при его воссоздании: *исполнение* является самой сутью любого творчества. Определив основные единицы построения текста, автор должен закрепить за ними правила взаимного соединения/сцепления. Процесс запрашивания/отбора сменяется другим видом деятельности – *монтажом*. Создание произведения процесс не случайный, не формальный. Благодаря регулярной повторяемости единиц, их постоянной рекомбинации произведение предстает как нечто законченное, целое, ранее несуществующее. Созданное произведение – это то, что автору/создателю удастся вырвать из-под власти случая. Построенная модель (модель мира, условной реальности, художествен-

⁸² См.: Intertextualität: Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. Ed. U. Broich, M. Pfister. – Tübingen, 1985.

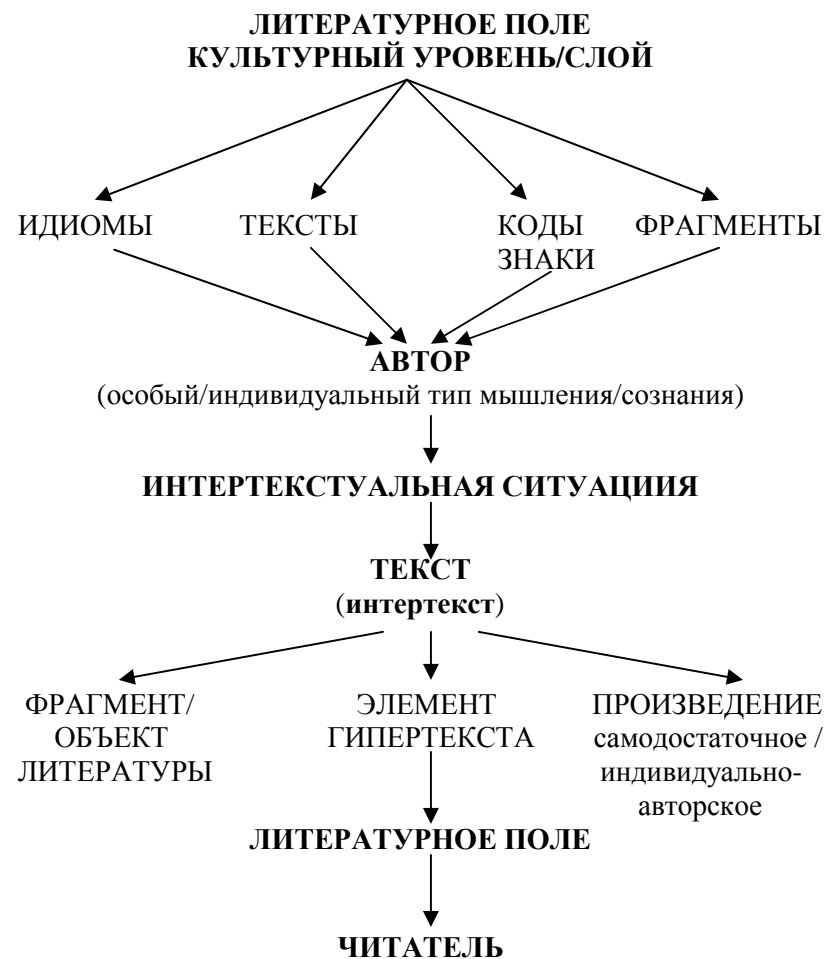
⁸³ Барт Р. Избранные работы. – С. 256.

ного пространства) возвращает читателю реальность не в привычном ему виде, а уже в другом, отраженном/преломленном. Художник проходит путь создания текста, текста наделенного смыслами. Литература на смысловом уровне одновременно и говорит, и безмолвствует, вопрошает и дает ответ-намек на определенный вопрос извне, проникает в мировой текст/контекст и выходит из него. Текст самодостаточен, но в то же время невозможен без текстового поля, формируется как внутренне, так и получает смысловые импульсы от всего снаружи.

Текст состоит из подвижных фрагментов, которые вне его не имеют определенного смысла/значения. В структуре текста элементы являются значимыми, изменение/совмещение этих частей/единиц образует как значимость элемента в контексте, так и означаемость фрагмента во всей структуре. Данные характеристики приобретаются лишь в границах текста, что отделяет их от других актуальных единиц речи. Текстовые фрагменты представляют собой определенный класс, парадигму. Текст представляет собой ряд производных фигур, текстовых операторов. Соединяясь, текстовые операторы – оценка, номинация, этимология, расширительное словоупотребление, перечисление, смысловая вертушка, подделка, язык – выполняя ряд речевых движений, создают текстовый массив. Конструирование текста происходит как прямолинейно, так и зигзагообразно. Зигзагообразная парадигма характеризуется понятным ходом развития, рецессией, антитезисом, реактивной энергией самоотрицания, движения туда/обратно; прямолинейная – обогащением, наращиванием, утверждением той или иной мысли, позиции, вкуса. Разноплановый характер существования произведения делает его открытым, имеющим множественность смысловых уровней, большое количество интерпретаций. Вхождение в интертекст культурных следов, созидание текста внутри себя формирует смысловую активность реципиента.

Чем сложнее установить происхождение текстовых операторов, тем выше степень множественности текста. В нем исчезают всякие границы, говорит уже дискурс или возможность возникновения множества смысловых толкований в самой процессуальности. По теории постмодернизма текст нельзя счи-

тать «нейтральным вместилищем» смысла⁸⁴ (Дж. Аткинс), смысл *не обнаруживается* в тексте, но вкладывается в него. Таким образом, можно говорить о расширительной модели интертекстуальности, предполагающей смысловую творческую активность и создателя текста, и читателя. Схематически это может выглядеть так:

⁸⁴ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 537.

В процессе чтения-восприятия текста (особенно постмодернистского) реципиент становится расшифровщиком определенного авторского кода. Текст в восприятии читателя оказывается генератором многих смыслов, с каждым новым прочтением произведения в сознании формируются все новые и новые аллюзии, ассоциации, смыслы. Вольфганг Изер считал, что эстетическое «наслаждение для читателя начинается только тогда, когда он сам становится творцом»⁸⁵. В процессе чтения, отмечал Л. Перроне-Моизес, все трое (автор, текст и читатель) превращаются в единое бесконечное «поле для игры письма»⁸⁶.

Игра присутствует на всех уровнях создания текста. Автор в процессе работы над текстом произведения играет словами, смыслами, фрагментами различных культур, в его сознании выстраивается некий каталог книг, прочитанных им, этот процесс происходит как на сознательном уровне, так и на бессознательном. Большая роль отводится именно бессознательной активности скриптора (деперсонифицированной фигуре автора). Текст становится дискурсивной практикой, в нем происходит игра текстов предшествующих литератур, культур, он играет со смыслами разных эпох. В читательском воображении осуществляется игра/декодирование знаков, кодов, символов, выстраиваются интерпретаторские позиции, формируется возможный смысл произведения. Интертекстуальная игра сопоставима с принципом калейдоскопа, то есть имеет место некое смешение определенных текстовых элементов, дающих все новые и новые смысловые комбинации. «Текст является не автономным и целостным объектом, а рядом отношений с другими текстами»⁸⁷, отмечает Винсент Лейч, что и подчеркивает полиструктурность, полиобразность, поливариативность постмодернистского произведения/текста.

⁸⁵ Iser W. The act of reading: A theory of aesthetic response. – Baltimore, 1978. – P. 108.

⁸⁶ Цит. по: Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты. – С. 193.

⁸⁷ Leitch V.V. Deconstructive criticism: An advanced introd. – L. etc., 1983. – P. 59.

При анализе текста важен имманентный подход, работа внутри него: изучение и описание внутреннего устройства текста, внутритекстового функционирования, подвижной смысловой структуры. Необходимо объяснять феноменологический, эвристический аспекты произведения, выявляя структурную организацию, тематический диапазон, систему художественных средств, смысловую наполненность, не забывая при этом, что постмодернистский текст по определению метафоричен.

Текст является нестабильной структурой, возникает только в условиях функционирования специфических дискурсивных практик, поэтому постоянно искривляется, подвергается влиянию, что делает его притягательным, смешным / агрессивным, спокойным/взрывающимся... Автор / скриптор текста не формирует художественный мир, но деформирует другие культурные миры. Литературное творчество начинается именно там, где происходит деформация структур, форм, художественных систем. Произведение является автономной моделью, формирует себя по тем законам, которые внутренне в него заложены, однако, находятся в постоянном развитии, трансформации.

На основании представленных научных положений (Р. Барт и другие) при художественном формировании текста может быть выделен ряд уровней его структурирования:

- 1) постулирование парадигмы; создание определенной структуры;
- 2) произведение/создание смысла; семантической фразы;
- 3) разветвление смысла далее; фразированного текста.

В интертексте невозможно отделить внешнее от внутреннего, разграничить «следы» и новую ткань, ибо он и образуется в процессе смыслообмена с широкой культурной средой.

Рассмотренные в этом разделе аспекты изучения интертекстуальности позволяют говорить о ней как о важной и требующей дальнейшей разработки проблеме литературоведения. Природа интертекстуальности специфична, она касается и структурной, и содержательной формы повествовательных текстов. Особенный интерес вызывает вопрос функционирования данной категории в художественном творчестве, где она высту-

пает то, как мировоззренческая черта автора, воспринимающего мир сквозь призму культурно-литературных ассоциаций, то как специфический прием создания текстовой структуры и смысла, то как онтологическая характеристика эстетически познаваемой реальности (текста).

5. Формы и функциональные свойства интертекстуальности.

Следует сказать, что интертекстуальные связи в литературном тексте представляют собой разветвленную систему. На наш взгляд, необходимыми рабочими приемами при анализе интертекстуальной ситуации в литературном тексте должны быть: 1) выявление источников заимствований; 2) обозначение способов их реализации в тексте; 3) установление процессуальной роли в структурировании и смыслообразовании; 4) постижение генеративной природы и смыслового объема произведения.

Задачу выявить специфику литературной интертекстуальности, изучить ее, определить основные структурные особенности ставили многие исследователи⁸⁸. В современном литературоведении наличествуют следующие *формы* (типы) интертекстуальности:

1. Авторская (мировоззренческая);
2. Внешняя (структурная);
3. Внутренняя (смысловая);
4. Читательская (интерпретаторская);
5. Исследовательская (аналитическая).

Основными приемами ее формального выражения в тексте могут быть:

- цитатный способ мышления;
- индивидуальный стиль;
- автобиографичность;
- внутренний монолог;
- диалогическое слово;
- лоскутное письмо;

⁸⁸ См.: Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности. – С. 186-207; Смирнов И.П. Порождение интертекста; Intertextualität: Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. Ed. U. Broich, M. Pfister. – Tübingen, 1985.

- фрагментарный язык художественного произведения;
- авторский код;
- заимствование;
- фрагментарность;
- аллюзия;
- переработка тем и сюжетов;
- явная и скрытая цитация;
- коллаж;
- парафраза;
- перевод;
- подражание;
- плагиат;
- пародия;
- двойственность мысли;
- игра слов;
- инсценировка;
- экранизация...

Данные приемы легко обнаружить в любом постмодернистском тексте, зачастую они присутствуют в комбинированном виде. Например: в самом известном постмодернистском произведении – «Москве – Петушках» Вен. Ерофеева обнаруживаются практически все из вышеназванных приемов. Например, в главе «Орехово-Зуево – Крутое» найдем и пародию, и игру слов, и переработку сюжетов, и коллаж, и авторский код. Беседа главного героя Венички и его друга Тихонова очень напоминает неоднократно использованную в советской литературе ситуацию: « - *Что ты здесь делаешь, Тихонов? – Я отработываю тезисы. Все давно готово к выступлению, кроме тезисов. А вот теперь и тезисы готовы... - Значит ты считаешь, что ситуация назрела? ... - Когда же выступить? Завтра?»*. Генерирование смысла в этом фрагменте-пародии – глубоко процессуальный феномен. Работает с огромной нагрузкой слово *тезисы*. Культурно подготовленный читатель улавливает данный семиотический процесс. Смысл «производится» за счет отсылки к советской истории, к литературным произведениям о революции, о Ленине. Изображенная Ерофеевым современная

ситуация (он называет ее авантюрой, бесплодной, как смоковница) читателем воспринимается как ничтожная.

Важна не столько классификация, определенный график/система типов интертекстуальности, сколько их функциональная сторона. То есть – с какой целью и для достижения какого эффекта писатели обращаются к текстам своих предшественников и современников, какова роль вставных элементов, операторов действия. В отмеченных работах по изучению функций интертекста прослеживается мысль о противопоставлении интертекстуальности литературному приему, сознательно используемому авторами/скрипторами. В силу такого постструктуралистского понимания все литературное творчество может восприниматься как факт своеобразного коллективного бессознательного, то есть всякая деятельность художественно-одаренной личности воспринимается вне зависимости от его воли, желания, сознания. Речь идет не о слабости творческих усилий, а об обязательном дискурсивном условии повествования-письма.

Интертекстуальные контакты осмысливаются исследователями⁸⁹ как тропы (метонимия), а наиболее адекватным для текстового чтения (интерпретации, постижения смысла) является поверхностное движение по цепочке метонимии. Поэтому может произойти сохранение формы исходного текста при отказе от семантического содержания, при пародировании уцелеет знаковая форма, становящаяся содержанием вновь создаваемого произведения, при пастише удержатся в новом произведении как формальные, так и семантические особенности предтекстов и при стилистических преобразованиях, происходящих в рамках одного жанра, не исчезнут его конститутивные структурно-тематические особенности.

Французский ученый Ж. Женетт в своей книге «Палимпсесты: Литература во второй степени»⁹⁰ предложил пятичленную классификацию разных типов интертекстуальности, эти классы он затем разделил на многочисленные подклассы и проследил их взаимосвязи.

⁸⁹ См.: Смирнов И.П. Порождение интертекста; Постмодернизм. – С. 822.

⁹⁰ См.: Современное зарубежное литературоведение. – С. 219.

1) интертекстуальность как сопричастие в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т. д.);

2) паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу и т. д.;

3) метатекстуальность как комментирующая и часто критическая ссылка на свой предтекст;

4) гипертекстуальность как осмеяние и пародирование одним текстом другого;

5) архитекстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов.

Исходя из причин и целей заимствования «чужих» фрагментов интертекстуальность может быть наделена различными функциями, то есть она полифункциональна и ее роль может быть следующей:

- ✓ информативной (несущей сообщение о времени, событии, лице);
- ✓ характеризующей (служащей средством характеристики персонажа);
- ✓ оценочной (негативной или позитивной, выражающей отношение автора или к заимствованному тексту или в то же время отношение к событиям, лицам, истории);
- ✓ эйдологической (образной);
- ✓ символической/знаковой (обозначающей важные для исторического сознания события);
- ✓ стилеобразующей (формирующей полистилистический уровень текста);
- ✓ смыслообразующей (создающей смысловое пространство);
- ✓ функциональной (являющейся прототекстом для последующих текстов);
- ✓ референционной (обращающей к предтекстам для получения дополнительной информации);
- ✓ синтезирующей или объединяющей (язык + культурология; литература + история...);
- ✓ креативной;
- ✓ этикетной (формирующей речевое поведение);
- ✓ декоративной (украшающей текст цитатой, ссылкой, афоризмом).

Например, важнейшей функцией интертекстуальности в «Москве – Петушках» является стилеобразующая. Стиль поэмы чрезвычайно ироничен, ирония здесь металогическая фигура скрытого смысла текста, имеющая амбивалентный характер. С одной стороны в поэме обнаруживается высмеивание и профанация реальности, основанная на предположении ее неистинности, с другой – испытание этой реальности на прочность, при уверенности в обратном. Подлинная глубина иронии в поэме открывается на уровне самоиронии. Автор «пародирует сам себя в акте пародии» (И. Хассан): «... Прихожу в Сорбонну и говорю: хочу учиться на бакалавра. А меня спрашивают: «Если ты хочешь учиться на бакалавра – тебе должно быть что-нибудь присуще как феномену. А что тебе как феномену присуще?» Ну, что им ответить? ... Подумал и сказал: «Мне как феномену присущ самовозрастающий Логос». А ректор Сорбонны, пока я думал про умное, тихо подкрался ко мне сзади, да как хряснет меня по шее: «Дурак ты, - говорит, - а никакой не Логос! Вон, - кричит, - вон Ерофеева из нашей Сорбонны!...».

Ирония в поэме предполагает метауровень осмысления ситуации, глубины символического кодирования текста.

По тому, как проявляется интертекстуальность в тексте – непосредственно или опосредованно, фиксированно или динамично, можно различать три основных типа связей: 1) «цитаты» - *текстуальные связи* – непосредственные проявления в тексте, его соотношение с другими текстами; 2) «реминисценции» - *контекстуальные связи* – опосредованные, воспринимаемые через контекст, к проявляемым в нем текстам; 3) «аллюзии» – *метатекстуальные связи* – непосредственно опосредованные, то есть воспринимаемые непосредственно, но через произведение как динамическую форму текста.

При рассмотрении категории интертекстуальности следует разграничить такие понятия как *цитата*, *реминисценция*, *цитатность*. В литературоведении понятие «цитата» определяется как «любой элемент чужого текста, включенный в ав-

торский («свой») текст»⁹¹. Она (цитата) включает в себя собственно *цитату* (лат. cito – вызываю, привожу) – точное воспроизведение какого-либо чужого фрагмента текста; *аллюзию* (лат. allusio шутка, намек) – намек на историческое событие, бытовую и литературный факт, предположительно известный читателю; *реминисценцию* (лат. reminiscentia – воспоминание) – небуквальное воспроизведение, невольное или намеренное, чужих структур, слов, которое наводит на воспоминание о другом произведении. Возникновение интертекста предполагает «переход из одной знаковой системы, в другую. Суть интертекста именно в преображении всех тех культурных языков, которые он в себя впитывает»⁹².

В связи с разработкой понятия *интертекстуальность* исследовательница Д. Ораич особое внимание уделяет цитатности. Опираясь на тезис М.М. Бахтина о «диалогических отношениях» и теории «двуголосого слова», Ораич трактует цитатность как универсальную категорию. Ею определяется два типа ориентации текста, художественного стиля и культуры. Первый можно охарактеризовать как установку на естественный язык и реальность, или транстекстуальность. Второй, присущий новому искусству, – как установку на чужой текст и язык культуры, или интертекстуальность⁹³. Таким образом, цитатность оказывается аспектом интертекстуальности, который представляется доминантой, но доминантой не только художественного текста, но и авторского мышления, стиля, да и культуры в целом.

Д. Ораич дифференцирует в своей работе понятие «цитата», определяя ее как эксплицитный интертекст, или же элемент цитатной реляции. «Цитатная реляция» характеризуется как интертекстуальная связь, в которой и присутствует цитата. Если цитирование / цитация есть явление цитатного интертек-

⁹¹ Фоменко И.В. Цитата // Русская словесность. – 1998. – № 1. – Январь-февраль. – С. 73.

⁹² См.: XX век как литературная эпоха. Г. Косиков и др. // Вопросы литературы. – 1993. – № 2. – С. 38-42.

⁹³ Ораич Д. Цитатность // Russian Literature XXIII. – North-Holland, 1998. – С. 115.

стуального процесса, то цитатность – свойство художественной структуры, построенной на принципе множественного цитирования.

Особый интерес при исследовании категории интертекстуальности может вызвать предложенная Д. Ораич классификация типов цитации:

- 1) цитатность в узком смысле слова: тексты единого медиального ранга (литература – литература, живопись – живопись...);
- 2) автоцитатность;
- 3) метацидатность: тексты о текстах (суждения о литературе в манифестах и программах);
- 4) интермедиаальная цитатность: литература – музыка...;
- 5) внехудожественная цитатность (документальные материалы в романе; разговорные реплики одного писателя в стихотворениях другого и пр.)⁹⁴.

Так поэма Вен. Ерофеева «Москва – Петушки» – есть цитатный текст с подвижной игровой структурой, осуществляющейся посредством игры цитатами и игры цитат; «цитаты... заигрывают с интертекстуальностью» (У. Эко). В игре происходит конструирование самого текстового материала и его смысла: «...*Книжку он себе позволить не может, потому что на базаре ни Гоголя, ни Белинского, а одна только водка...*» (с. 90); «*К нам прислали комсорга Евтюшкина, он все ципался и читал стихи, а раз как-то ухватил меня за икры и спрашивает: «Мой чудный взгляд тебя томил? Я говорю: «Ну, допустим, томил...».*»

Разнообразие цитатности может быть сведено к нескольким основным разновидностям: собственно цитаты, цитаты-реминисценции и цитаты-аллюзии. Скрытые или усеченные цитаты имеют реминисцентные значения, а немаркированная реминисценция воспринимается как аллюзия. Реминисценция (от лат. – *reminiscentia* – воспоминание) – это небуквальное воспроизведение чужого текста или его фрагмента. Роль реминисценции разнообразна: это и опора на авторитет, и указание

⁹⁴ Ораич Д. Цитатность. – С. 114.

на традицию, на ученичество, и средство полемики или пародирования. Но главное – это создание художественной многозначности текста, расширение его смыслового пространства.

В.Е. Хализев⁹⁵ считает исходным и родовым понятием сферы цитатности понятие реминисценции, воплощающей «формальную и жанрово-стилистическую проблематику творчества писателя» и «мыслимой как «отсылка к литературным фактам», прежде всего, включению компонентов ранее созданных произведений. Он подчеркивает, что реминисценции способствуют созданию содержательно значимого образа «литературы в литературе» и несут литературно-критическую функцию – оценочное осмысление фактов литературного творчества. Реминисценции вносят в произведение множество новых значений и позволяют расшифровать то, что показалось загадочным или даже бессмысленным.

Например, в «Москве – Петушках» читаем: «*А в Сибири нет, в Сибири не проживешь. В Сибири вообще никто не живет, одни только негры живут. Продуктов им туда не завозят, выпить им нечего, не говоря уж «поесть».* Здесь можно увидеть реминисценцию на А. Пушкина, Б. Пильняка, Ф. Искандера. Для читателя важна отправная точка формирования смысла, а не его результат. В дискурсе Вен. Ерофеева миф о широте и богатстве Сибири наполнился новым содержанием – отрицательным.

С точки зрения выявленности в тексте реминисценции могут быть эксплицитными и подтекстовыми, с точки зрения смысловых структур – сюжетными и стилистическими, с точки зрения воспроизведения – текстовыми в строгом смысле слова – цитатами и полуцитатами. При этом цитата в речи автора эксплицирует его литературное кредо, а в речи персонажа – характеризует его сознание. Степень реминисцентности произведения зависит от мнения автора о приобщенности читателей к традициям художественной словесности (В. Хализев).

Структуралисты провели параллели между лексическими и синтаксическими видами воспроизведения чужого текста.

⁹⁵ Хализев В.Е. Литературная реминисценция и ее функции // Историко-литературный процесс. Методологические аспекты. – Рига, 1989. – С. 43.

Л. Женни⁹⁶ выделяет следующие виды текстовых реминисценций:

- параномазия (с сохранением звуковой формы источника);
- эллипсис (усечение источника при введении в новый текст);
- амплификация (дальнейшие производные из значений слов, присутствующих в источнике);
- гипербола (возвеличивание черт первоначального текста в новом качестве);
- интерверсия (interversion – изменение порядка и ценности элементов, составляющих первоначальный текст);
- перенесение семантической схемы источника в иной контекст (changement du niveau de sens).

Примером параномазии и амплификации в «Москве – Петушках» может служить данный фрагмент текста: *«Не знаю, нравственна ли эта забота, но она просто геометрична. Смотрите: ведь эта кривая изображает нам не один только жизненный тонус, нет! Она все изображает. Вечером – бесстрашие... и недооценка всех ценностей. Утром – переоценка всех этих ценностей, переоценка, переходящая в страх».*

Новый текст, включающий в себя цитаты (явные/неявные), аллюзии, реминисценции, живет благодаря некой множественности смыслов возникающих в результате взаимодействия, соединения вставных элементов. Преображение смыслов художественного произведения и есть основная функциональная сторона интертекстуальности. Новый текст и его смысл как бы строятся на элементах старого литературного пространства. В художественном тексте важна не столько сама цитата, как она понимается в литературоведении, а ее функция, то есть функция смыслопорождения. Воображение реципиента максимально пробуждается, активизируется только тогда, когда происходит узнавание цитаты, возникают аллюзии, реминисценции, будь то на сознательном или подсознательном уровнях. В тексте уже называемой поэмы «Москва – Петушки» активизировать воображение читателя может одно слово, сло-

⁹⁶ См.: Genny L. La strategie de la forme // Poetique. – P., 1976.

восочетание, речевой штамп, фрагмент пропагандистского лозунга, стилизация под чей-то текст, отсылка к словам молитвы... *«...Давайте лучше так – давайте почти минутой молчания два этих смертных часа. Помни, Веничка, об этих часах, в самые восторженные, в самые искрометные дни своей жизни – помни о них. В минуты блаженства и упоений – не забывай о них. Это не должно повториться. Я обращаюсь ко всем родным и близким, ко всем людям доброй воли, я обращаюсь ко всем, чье сердце открыто для поэзии и сострадания».*

И.В. Фоменко⁹⁷ высказывает интересную мысль о том, что важна не точность цитирования, но узнаваемость цитаты. Важно, чтобы читатель услышал чужой голос, и тогда цитата будет восприниматься не только в обобщенно-символическом значении, но и весь «новый» текст обогатится за счет текста-источника. Действительно, одним из основных свойств интертекстуальности является то, что она способствует созданию двойственности знака: с одной стороны, он принадлежит данному, новому тексту, с другой – уже некогда созданному⁹⁸. Цитата становится представителем чужого текста, запускающим механизм ассоциаций. Подключая авторский текст к чужому, адресуя читателя ко всему тексту-источнику или к какой-то его грани, цитата становится элементом сразу двух текстов: чужого и авторского. Важная конструктивная роль цитаты заключается в том, что, создавая на небольшой площади авторского текста огромное смысловое напряжение, она становится одним из «нервных узлов» произведения.

Культурная ткань постмодернистского текста состоит из множества элементов. Ее интертекстуальная стилистика процессуальна и создается такими художественными приемами как: игра, коллаж, центон, антиформа (открытая/разомкнутая), анархия (нонселекция), деконструкция, антисинтез, рассеивание, синтагма, метонимия, комбинация, письмо, малая история, мутант, полиморфность, «след», шизофрения, ирония, неопределенность, имманентность...

⁹⁷ Фоменко И.В. Цитата. – С. 74.

⁹⁸ См.: Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность.

Современное искусство идентифицируется как цитатное, литературный текст получает, соответственно, ту же характеристику. Конец XX века, которому свойствен принцип цитатности, оценивается исследователями⁹⁹ как ситуация цитатного мышления. Она привела к рождению локального художественного стиля рубежа веков – постмодернистского. Интертекстуальность имеет прямое отношение к постмодернизму, она стала неотъемлемым свойством постмодернистской поэтики, осознанным приемом¹⁰⁰ создания художественных повествовательных структур и, одновременно, инструментом анализа. Функциональная роль этого приема состоит в специфической организации текстовой структуры, формы и стиля, в полифонизме, в смысловой открытости и множественности, в ориентации на культурный контекст.

6. Проблемы изучения интертекстуальности.

Проблема интертекстуальности есть один из актуальных вопросов современного литературоведения, которое переживает процесс интеграции классической, неоклассической и постмодернистской научных парадигм.

Проведем некоторую систематизацию литературы¹⁰¹, посвященной исследованию специфики категории интертекстуальности. В 1978 году в качестве специального выпуска журна-

⁹⁹ См.: Курицын В. Русский литературный постмодернизм. – С. 37.

¹⁰⁰ См.: Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. – С. 9.

¹⁰¹ См.: «New York Literary Forum» - Intertextuality. New Perspectives in Criticism; Dialogizität. Ed. R. Lachmann. – Munchen, 1982; Dialog der Texte. Ed. W. Schmid, W.-D.Stempel. – Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 11. Wien, 1983; Intertextualität: Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. Ed. U. Broich, M. Pfister. – Tübingen, 1985; Интертекстуальные связи в художественном тексте. Межвуз. сб. науч. трудов. – СПб., «Образование», 1993; Шамма Шаадат. Новые публикации по интертекстуальности // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 337-344; Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности; Арнольд И.В. Проблема диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста): Лекции к спецкурсу. – СПб., 1997; Миловидов В.А. Текст, контекст, интертекст. Введение в проблематику сравнительного литературоведения. Пособие по спецкурсу. – Тверь, 1998; Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе.

ла «New York Literary Forum» (2: Intertextuality. New Perspectives in Criticism) появилась первая подборка исследований по интертекстуальности. К началу 1980-х годов на немецком языке было опубликовано два сборника статей – это «Диалогичность» (Ed. R. Lachmann) и «Диалог текстов» (Ed. W. Schmid, W.-D.Stempel). В центре внимания включенных в них работ находился диалогический аспект. В 1985 году вышел сборник, посвященный проблемам интертекстуальности в английской литературе: «Интертекстуальность: Формы и функции – на английском материале» (Ed. U. Broich, M. Pfister). Все эти исследования объединяет стремление применить возникшие в процессе полемики по проблемам интертекстуальности различные гипотезы к анализу литературных текстов.

Первый из этих сборников занимает особое положение. В книге «Память и литература: Интертекстуальность в русском модернизме» впервые собраны статьи Р. Лахманн, в котором содержатся теоретические исследования по проблемам интертекстуальности, мемуарной литературы, диалогичности, синкретизма карнавальской культуры, а также работы, анализирующие тексты литературы русского модернизма. Исследовательница выдвигает два основных положения. 1) Главный акцент при анализе текста должен быть сделан на *смысловое структурирование* текста и его *интерпретируемость*. Тем самым предметом интертекстуального анализа становился семантический уровень, так как семантика интертекстуально структурированного текста диалогизирована или синкретична. Центральным примером синкретичной культурной модели Лахманн приводит карнавальную культуру М. Бахтина, понимаемую контркультурой, культурой амбивалентности, противостоящая официальной культуре моновалентности. Интертекстуально организованные тексты амбивалентны, закодированы дважды, двойственность является ключевой интертекстуальной фигурой. Благодаря интертекстуальности и двойному кодированию происходит смысловое структурирование текста. 2) Затем Лахманн выделяет *письмо как деятельность памяти*. Пространством памяти она считает не пространство внутри текста, а пространство *между* текстами. Память текста – это его ин-

тертекстуальность. Письмо как процесс творчества пробуждает память соприкосновения с культурой. Преодоление границ эпох определяет эстетическую практику. Память авторов-«собираателей» – это исторический и личный опыт, они ориентируются на расширение семантических объемов текста и переработку культурного опыта. Кроме того, отмечает Лахманн, в интертекстуальных текстах, как правило, наблюдается противопоставление автора (себя) официальной культуре.

Ряд научных сборников по проблемам интертекстуальности имеет собственно литературоведческую направленность. Книга «Intertextuality: Theories and Practices» («Интертекстуальность: теоретические и практические аспекты») (Ed M. Worton and J. Still) предлагает обзор самых разнообразных аспектов интертекстуальной проблематики: теория культуры, теория литературы, анализ текстов. Этот сборник составлен в рамках постструктуралистской проблематики, и для него характерна «примиряющая» позиция, то есть интертекстуальность трактуется «сугубо промежуточной дисциплиной, более того – трансдисциплиной, дисциплиной, склонной к трансвестизму, поскольку она постоянно заимствует свои приемы то у психоанализа, то у политической философии, то у экономики». Текстом классифицируются как текст в узком смысле (то есть литературный), так и – в более широком смысле – все то, что может восприниматься как знаковая структура.

По мнению исследователей Клейтона и Ротстайна, отправным моментом в формировании интертекстуальной теории была интерпретация идей Ф. де Соссюра, данная Ж. Дерридой в «Грамматологии» (1967). Эта работа стала «важнейшим интертекстом большинства теорий интертекстуальности».

В ходе дальнейшего изучения проблем теории интертекстуальности выработались три научных направления. Это *деконструктивистское направление*, рассматривающее текст как игру для читателя/с читателем (Барт), *семиотическое направление*, в рамках которого читателю предоставляется широкая возможность интерпретаций текста (Риффатерр), и *социально-политическое направление*, представленное рецептивной эстетикой (Фуко).

Изучение интертекстуальности в литературоведческом дискурсе неоднозначно. Литературоведов концепция интертекстуальности привлекла как новая методика изучения литературных фактов, как новый аналитический инструмент. Однако интертекстуальный анализ подразумевает наблюдение над процедурами текстопостроения и, в какой-то мере, направлен на разрушение представлений о единстве, целостности и системности текста. Такой анализ размывает смысловые контуры, делает их подвижными, неопределенными. Поэтому литературоведы считают, что использовать механизм интертекстуального анализа можно лишь применительно к постмодернистским текстам, с его специфическими эстетическими качествами.

Существуют работы по анализу текста, ориентированные на теоретическую постановку вопросов об интертекстуальности. С. С. Фридман в исследовании «Ткачество: интертекстуальность и (воз)рождение автора» часть работы посвящает рассмотрению категории «автора» как создателя текста. Ханс-Петер Май¹⁰² изучает концепт интертекстуальности, отталкиваясь от понятия текста. Он полагает интертекстуальностью – совокупность всех литературных текстов («гипертекст»). Концепция Мая о гипертексте подразумевает под интертекстуальностью явление, выходящее за рамки традиционного литературоведения, что сближает ее с теорией Кристевой. Этим оправдывается возвращение к значимости внелитературных источников, которые, согласно Кристевой, как раз и содействуют жизни литературы.

Ряд статей об интертекстуальной структуризации затрагивает более частные аспекты интертекстуального анализа: отношение межтекстовых элементов, функции заглавий и эпиграфов, проблема примата аллюзии над цитатой. Аллюзия становится центральным фактором интертекстуального анализа тогда, когда она проявляется в идеологемах текста, когда она обозначает исторические и социальные координаты. В работе У. Хебеля строится матрица для интерпретации аллюзий (верификация аллюзий, описание их форм и функций), а также

¹⁰² См.: «Intertextuality» Ed. Heinrich F. Plett. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1991.

приводится их типология (цитатные аллюзии, заголовочные аллюзии, ономастические аллюзии).

Интересны и значимы исторические аспекты интертекстуальности. Одни утверждают, что интертекстуальность является продолжением ренессансного учения о подражании (Рихард Шук), другие рассматривают ее через призму постмодернизма (Линда Хатчон и Манфред Пфистер)¹⁰³. Пфистер утверждает, что интертекстуальность является неотъемлемой составной частью постмодернистского дискурса. Он определяет специфику именно постмодернистской интертекстуальности и считает, что, в отличие от предыдущих эпох, когда интертекстуальность наряду с другими являлась лишь одним из литературных приемов, она стала приемом постмодернизма в целом. Интертекстуальность – основной структурный принцип, определяющий постмодернистский характер текста/письма, который некоторые исследователи трактуют как центон¹⁰⁴. Концепция интертекстуальности, которая разрабатывалась во второй половине XX века постструктуралистским литературоведением, является важным этапом в понимании, анализе и интерпретации художественного текста.

В указанных работах поддерживается самый интенсивный диалог с предшественниками. М. Бахтин и Ю. Кристева, по-прежнему, являются ключевыми фигурами в интертекстуальном научном дискурсе. Отсюда следует, что и сама интертекстуальная теория функционирует интертекстуально.

Среди российских исследователей изучаемой проблемы нужно назвать И.В. Арнольд, И.П. Ильина, Г.К. Косикова, М.Н. Липовецкого, Е.В. Михайлову, К.П. Сидоренко, И.С. Скоропанову, И.П. Смирнова, П.Х. Торопа, Н.А. Фатееву и других.

Н.А. Фатеева предлагает классификацию интертекстуальных типов, в основе которой лежат отмеченные Женеттом характеристики интертекстуальных отношений. А принципы, предложенные П.Х. Торопом, «становятся точкой отсчета для

¹⁰³ Шамма Шаадат. Новые публикации по интертекстуальности. – С. 337-340.

¹⁰⁴ См.: Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература; Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987.

таких категорий, как атрибутивность – неатрибутивность заимствованного текста или его части, явный или скрытый характер атрибуции, способы и объем представления исходного текста в тексте-реципиенте»¹⁰⁵. Кроме того, Фатеева выделяет новые модели и формы интертекстуальности: интертекст как троп или стилистическую фигуру, как прием, как поэтическую парадигму. Понятие поэтической парадигмы вводится на основе представления о том, что «каждый поэтический образ существует в ряду сходных – не обусловлен данным контекстом, а реализует общую идею, модель, образец»¹⁰⁶. Развивая теорию межтекстовых отношений, Н.А. Фатеева считает необходимым различие двух сторон интертекстуальности: читательской (исследовательской) и авторской (генеративной). «С точки зрения читателя, интертекстуальность – это установка на более углубленное понимание текста или разрешение непонимания текста (текстовых аномалий) за счет установления многомерных связей с другими текстами. С точки зрения автора, интертекстуальность – это способ генезиса собственного текста и постулирование собственного поэтического «Я» через сложную систему отношений оппозиции, идентификации и маскировки с текстами других авторов (других поэтических «Я»)¹⁰⁷.

Формирование теории интертекста стало новым витком в изучении проблем поэтики постмодернистского искусства. Суть концепции сводят к тому, что поскольку любой пишущий находится под воздействием чужого слова (социолектного, научного, литературного), под воздействием внетекстовой реальности, то его собственный текст неизбежно становится полем пересечения различных дискурсивных практик.

Несмотря на то, что в рамках концепции интертекстуальности не фигурирует понятие произведение, последнее, как отмечает В.А. Миловидов¹⁰⁸, неизбежно участвует в процессе

¹⁰⁵ Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1998. – Т. 57. – №5. – С. 26.

¹⁰⁶ Там же. – С. 37.

¹⁰⁷ Там же. – С. 12-13.

¹⁰⁸ Миловидов В.А. Текст, контекст, интертекст. – С. 45.

«пересечения текстовых плоскостей». «Чужой» дискурс входит в интертекст в процессе «считывания» и осмысления чужого текста, затем как осмысленный знак, как новый текст, «вербализующий» создавшееся произведение, как новый дискурс участвует в формировании интертекста. В.А. Миловидовым предложен механизм литературных взаимодействий (в основном контактных, историко-генетических). Он указывает, что данный механизм есть многостороннее взаимодействие текста-«экспортера» (текст А) и текста-«импортера» (текст В). В данной структуре взаимодействия важнейшую смыслообразующую роль играют характеристики внетекстовых элементов. Текст А «входит» в текст В не в своем оригинальном обличье, а пропущенный через призму внетекстовых ассоциаций читателя/реципиента, ставший читательским вариантом произведения и только впоследствии – цитатой, аллюзией, реминисценцией (элементом текста В). Данные взаимодействия являются предметом исследования компаративистики, имеющей задачей историко-типологическое сравнение, объясняющее сходство различных по своему происхождению явлений одинаковыми условиями генезиса и развития.

В.Е. Михайлова¹⁰⁹ говорит о необходимости понимания двойственности явления интертекстуальности. Она предлагает рассматривать его 1) как панъязыковой характер мышления (следуя теориям Р. Барта, Ж. Лакана, М. Фуко, Ж. Дерриды) и 2) как собственно словесное, литературное явление, развивающееся по внутренним законам художественной логики (следуя взглядам М.М. Бахтина, нарратолога Л. Дэлленбаха, И. Смирнова). Первая точка зрения соответствует принципу абсолютной цитатности художественного творчества («смерть субъекта» М. Фуко, «смерть автора» Р. Барта, взаимодействие автора, текста, читателя (Л. Пьерроне-Моизес). Вторая – представляет теорию, которая базируется на специфических закономерностях литературного процесса (М. Бахтин).

Существование интертекстуальности, считает И. Смирнов¹¹⁰, невозможно без двух аспектов: типологической трактов-

¹⁰⁹ Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе. – С. 46.

¹¹⁰ См.: Смирнов И.П. Порождение интертекста.

ки интертекстуальности, основанной на теории семантической памяти текста, и реализации этого явления в конкретных повествовательных вариантах. Семантическую память образует информация, извлеченная не из непосредственно воспринимаемого мира, но из всякого рода субститутов фактической реальности. Таким образом, семантическая память – это хранилище усвоенных текстов и сообщений, поэтому она – основа многовариантных интертекстуальных диалогов художественных текстов, которые по-новому воссоздают, переконструируют линейную интратекстовую логику литературного процесса. Принцип семантической памяти текста близок интертекстуальности, так как рассматривает процесс порождения текста как творческий акт, а не как процесс игровой деятельности, что дает право признавать авторское начало в тексте эвристическим фактором.

В вышеуказанных работах по проблемам изучения интертекстуальности нет и не может быть полноты освещения вопроса. Вновь появляющиеся исследования¹¹¹, иногда дискуссионные, иногда взаимоисключающие, по указанному явлению, свидетельствуют, что его аналитический потенциал интертекстуальности не оказался девальвированным и исчерпанным. Скорее, наоборот, интертекстуальность – бесконечно многогранная, требующая дальнейшего изучения, систематизации категория.

¹¹¹ См.: Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности; Арнольд И.В. Проблема диалогизма, интертекстуальности и герменевтики; Миловидов В.А. Текст, контекст, интертекст; Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Предисл. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1999; Литературный текст: проблемы и методы исследования. – Вып. 5. – Тверь: Изд-во ТГУ, 1999; Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов; Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2001; Текст. Интертекст. Культура: Сб. докл. междунар. науч. конф. (Москва, 4-7 апреля 2001 г.). – М.: Азбуковник, 2001; Гаспаров М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия АН. Сер. лит. и яз. – 2002. – Т.61. – № 4; Интертекстуальные связи в художественном тексте; Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алистов С. Цитата в системе художественного текста // Литература. – 1998. – № 12 (245). – С. 8.
2. Аллюзия // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 20.
3. Арнольд И.В. Проблема диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста): Лекции к спецкурсу. – СПб., 1997.
4. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / Науч. ред. П.Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
5. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. – М., 1990.
6. Арутюнова Н.Д. Диалогическая цитация: К проблеме чужой речи // Вопросы языкознания. – 1986. – №1.
7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). – М.: Едиториал УРСС, 2003.
8. Барт Р. S/Z. Пер. с фр. 2-е изд., испр. Под ред. Г.К. Косикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
9. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
10. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2004.
11. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М., 1979.
12. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
13. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы // Собр. соч.: В 7 т. – М.: «Русские словари», 2000. – Т. 2.
14. Бухаркин П.Е. О функции цитаты в повествовательной прозе // Вестник Ленинградского ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. – 1990. – Вып. 3.
15. Вербицкая М. В. К обоснованию теории «вторичных текстов» // Филологические науки. – 1989. – № 1.
16. Владимирова Н.Г. Категория интертекстуальности в современном литературоведении // Литературоведение на пороге XXI века. – М., 1998. – С. 182-188.
17. Гаспаров Б.М. В поисках «другого». Французская и восточноевропейская семиотика на рубеже 1970-х годов // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 14.
18. Греймас А.Ж. В поисках трансформационных моделей // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. – М., 1984.
19. Деррида Ж. Позитивизм. – Киев, 1996.
20. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л., 1977.
21. Жолковский А.К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма. – М., 1992.
22. Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. Гл. науч. ред. Е.А. Цурганова; Отв. науч. ред. А.Е. Махов. – М.: Intrada, 2004.
23. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Методы изучения литературы. Системный подход: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 200 с.
24. Ильин И.И. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М.: Интрада – ИНИОН, 1996. – С. 215-221.
25. Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности; Теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики. – М., 1989. – С. 186-207.
26. Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе. Сб. док. науч. конф. – Магнитогорск, 2003.

27. Интертекстуальные связи в художественном тексте. Межвуз. сб. науч. трудов. – СПб., «Образование», 1993.
28. Квятковский А.П. Аллюзия; Пародия; Реминисценция; Цитон // Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М., 1966.
29. Керимов Т.Х. Интертекстуальность // Современный философский словарь. – М.; Бишкек; Екатеринбург, 1996.
30. Козицкая Е.А. Эксплицированная и имплицитная цитата в поэтическом тексте // Проблемы и методы исследования литературного текста: К 60-летию И.В. Фоменко: Сб. науч. тр. – Тверь, 1997. – С. 3-16.
31. Кораблев А.А., Кораблева Н.В. Интертекстуальность и интерсубъективность (о соотношении понятий) // Бахтинские чтения. III. – Витебск, 1998. – С.125-128.
32. Корман Б.О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Теоретическая поэтика: понятия и определения. – М., 2001.
33. Косиков Г.К. Идеология. Коннотация. Текст (По поводу книги Р. Барта S/Z) // Ролан Барт. S/Z. – М., 1994. – С.8-29.
34. Косиков Г.К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. / Составление, общ. ред., вступит. статья Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 3-45.
35. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – Витебск. – 1993. – № 4.
36. Кристева Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики / Пер. с франц. – М.: РОССПЭН, 2004.
37. Кузьмина Н.А. Интертекст и интертекстуальность: к определению понятий // Текст как объект многоаспектного исследования. – СПб., 1998. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 27-35.
38. Лоскутова А.А. Поэтика протоинтертекстуальности. К постановке проблемы // Литературный текст: проблемы и методы исследования / «Свое» и «чужое» слово в художественном тексте: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – Вып. 5.
39. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам: Текст в тексте. – Тарту, 1991. – Вып. 14 (567).
40. Маньковская Н.Б. Париж со змеями. (Введение в эстетику постмодернизма). – М., 1995.
41. Миловидов В.А. Текст, контекст, интертекст. Введение в проблематику сравнительного литературоведения. Пособие по спецкурсу. – Тверь, 1998.
42. Немецкое философское литературоведение наших дней. – СПбГУ, 2001.
43. Ораич Д. Цитатность // Russian Literature. North Holland, 1988. – V. 23.
44. Полубиченко Л.В., Андросенко В.П. Топология цитат в художественной и научной речи // Филологические науки. – 1989. – № 3.
45. Постмодернизм. Энциклопедия. Составители: А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001.
46. Ролан Барт о Ролане Барте. – М., 2002.
47. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 1999.
48. Словарь литературоведческих терминов. Ред.-сост.: Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. – М., 1974.
49. Смирнов И.П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака). – СПб., 1995.
50. Современная литературная теория. Антология / Сост. И.В. Кабанова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 344 с.
51. Современное зарубежное литературоведение (Страны Западной Европы и США). Концепции. Школы. Термины: Энциклопедический справочник. – М.: Интрада, 1996.
52. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М., 1977.

53. Теоретическая поэтика: понятия и определения. Хрестоматия для студентов филологических факультетов / Автор-составитель Н.Д. Тамарченко. – М.: РГГУ, 1999. – 286 с.
54. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 2002.
55. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983.
56. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977.
57. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. – М.: Ангар, 2000.
58. Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – №5.
59. Фоменко И.В. Цитата // Русская словесность. – 1998. – № 1. – Январь-февраль. – С. 73-78.
60. Хализев В.Е. Литературная реминисценция и ее функции // Историко-литературный процесс. Методологические аспекты. – Рига, 1989.
61. Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации. – СПб., 2000.
62. Шамма Шаадат. Новые публикации по интертекстуальности // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 337-344.
63. Ямпольский М. Память Тиресия. – М., 1993.
64. Barthes R. L'semiologique. – Paris, 1965.
65. Dialogizitat. Ed. R. Lachmann. – Munchen, 1982.
66. Genette G. Palimpsestes: La litterature au second degre. – P., 1982.
67. Genny L. La strategie de la forme // Poetique. – P., 1976.
68. Handbuch der aprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen. Hrg. von Helmut Jachnow. – Wiesbaden: Harrasowitz-Verlag, 1999.
69. Intertextualital: Formen, Functionen, anglist. Jallstudien // Hrsg von Broich V., Pfister M., Tübingen, 1985 – XII, 373 S.
70. Iser W. The act of reading: A theory of aesthetic response. – Baltimore, 1978.
71. Kristeva J. Bachtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique. [Paris]. 1967. Avril. № 23.
72. Kristeva J. La revolution du langage poetique. L'avant-garde a la fin du XIX-e siecle: Lautreamont et Mallarme. – Paris, "Seuil", 1974. – P. 58-59.
73. Kristeva J. Narration et transformation // Semiotica. – The Hague, 1969. - № 4 – P.422-448.
74. Kristeva J. Semeiotike: Recherches pour une semanalyse. – P., 1969.
75. Leitch V.B. Deconstructive criticism: An advanced introd. – L. etc., 1983.
76. Neuber W. Topik und Intertextualitat // Intertextualitat in der Fruhen Neuzeit/ Frankfurt am Mein; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1994. S. 253.

ТЕМАТИКА ЛЕКЦИОННЫХ ЗАНЯТИЙ

1. Вводное занятие. Интертекстуальность литературная и языковая.
2. Современные исследования по интертекстуальности.
3. Интертекстуальность в литературоведении как теоретическая проблема.
4. Теоретические основы интертекстуальности.
5. Теория «чужого слова» М.М. Бахтина.
6. Концепция интертекстуальности Ю. Кристевой.
7. Концепция интертекстуальности Р. Барта.
8. Формы и функциональные свойства интертекстуальности.
9. Итоговое занятие.

ТЕМАТИКА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Отработка представлений об интертекстуальных взаимоотношениях происходит на материале поэмы Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки».

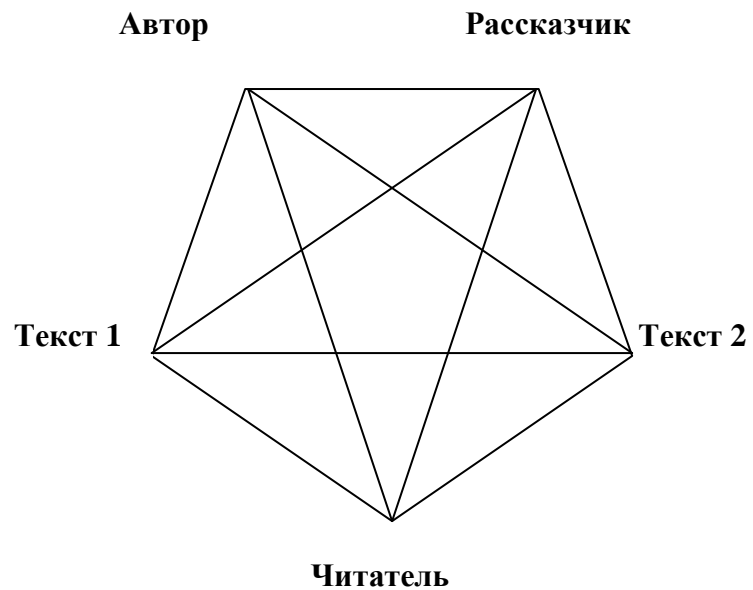
1. Поэма Вен. Ерофеева «Москва – Петушки»: текст и интертекст.
2. Историко-культурное поле поэмы. Коды и знаки.
3. Библиейские заимствования в «Москве – Петушках».
4. Мифологический контекст «Москвы – Петушков».
5. Романтические «следы» в поэме Вен. Ерофеева.
6. Межтекстовая связь поэмы с русской и мировой классикой.
7. Интермедальность «Москвы – Петушков».
8. Конституирование смыслового объема.

Литература к практическим занятиям подбирается по: Авдиев И. Библиография // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 18. – С. 199-209.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

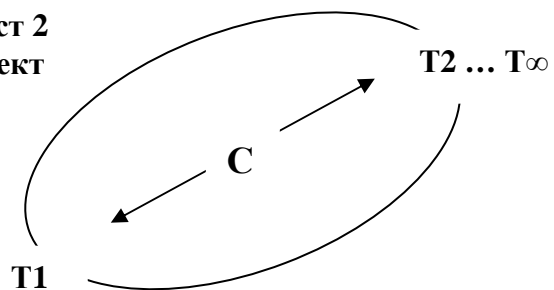
1. Общее понятие об «интертекстуальности». К истории вопроса.
2. Литературная интертекстуальность. Основные особенности, признаки.
3. Языковая интертекстуальность (сопоставить с литературной).
4. «Текст» – «интертекст»: проблема соотношения.
5. Современные исследования по интертекстуальности (И. Арнольд, И. Смирнов, Р. Лахманн, И. Ильин, Н. Фатеева, М. Гаспаров...).
6. Интертекстуальность как теоретическая проблема.
7. Теория «чужого» слова М.М. Бахтина как теоретическая предпосылка формирования теории интертекстуальности.
8. Концепция интертекстуальности Ю. Кристевой.
9. Концепция интертекстуальности Р. Барта.
10. Концепции интертекстуальности М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта (обзор, сопоставительный анализ).
11. Формы интертекстуальных отношений.
12. Основные приемы интертекстуальности.
13. Функциональные свойства интертекстуальности.
14. Модели интертекстуальных отношений (широкая, узкая, расширительная).
15. Основные определения «интертекстуальности» (Ю. Кристева, Р. Барт, А. Жолковский, М. Липовецкий...).
16. Функционирование интертекстуальности в поэме Вен. Ерофеева «Москва – Петушки».
17. Библиейские заимствования в «Москве – Петушках».
18. Мифологический контекст поэмы Вен. Ерофеева.
19. Интертекстуальная связь «Москвы – Петушков» с русской и мировой классикой.
20. Конституирование смыслового объема текста.

Приложение 1

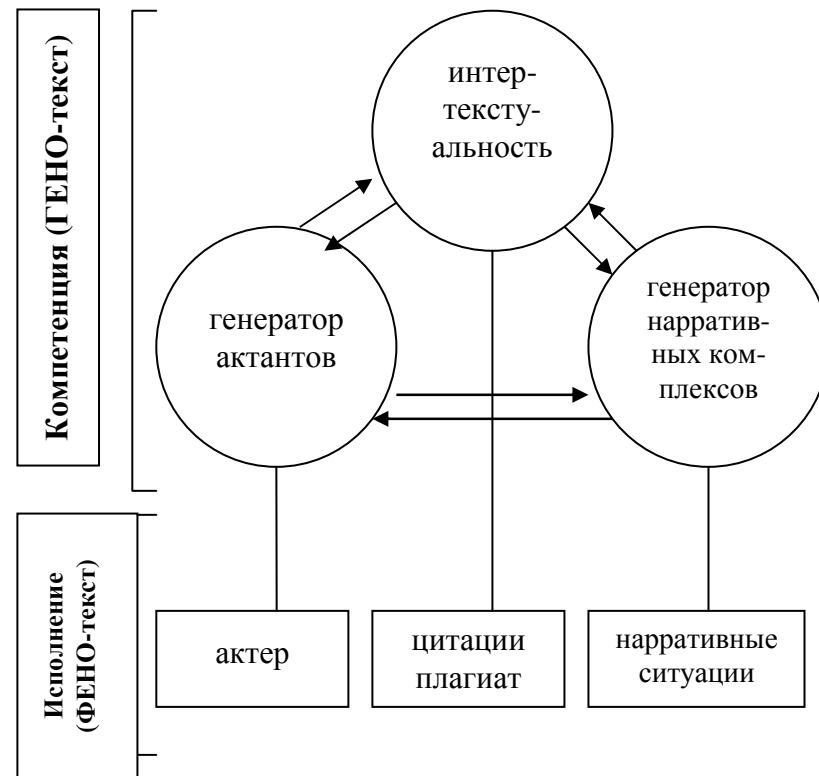

ОБЩАЯ МОДЕЛЬ ИНТЕРТЕКСТА

T1 – текст 1
T2 – текст 2
C – субъект

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ (Ю. КРИСТЕВА¹¹²)

¹¹² Кристива Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М., 2004. – С. 457.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	3
1. Дискурсивность текста.....	4
2. Текстовый универсум / метатекстуальность.....	9
3. Теоретические основы интертекстуальности.	17
4. Основные определения интертекстуальности, модели интертекстуальных отношений.....	31
5. Формы и функциональные свойства интертекстуальности.	44
6. Проблемы изучения интертекстуальности.....	54
ЛИТЕРАТУРА	62
ТЕМАТИКА ЛЕКЦИОННЫХ ЗАНЯТИЙ.....	68
КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ.....	69
СОДЕРЖАНИЕ.....	72

Учебное издание

А.Н. Безруков

ПОЭТИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

*Учебное пособие
для студентов филологического факультета*

Компьютерный набор и верстка – А.Н. Безруков
Технический редактор – Р.А. Безрукова

Лицензия на типографическую деятельность 00203 от 8 ноября 2001 года, выданная Поволжским межрегиональным территориальным управлением министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникации.

Сдано в печать 22.11.05 г. Формат бумаги 60x84/18 Бумага писчая.
Печать текста на ризографе с оригинала макета.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 4,5. Заказ № .
Тираж 100. Цена договорная.

Отпечатано в Бирской городской типографии.
452450, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Ленина, 56.
Лицензия на типографическую деятельность № 04354 от 23 марта 2001 г., выданная Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.